

The image depicts a dark, apocalyptic scene. In the background, a large, gothic-style city with many spires is engulfed in flames and thick black smoke. The sky is filled with dark, swirling clouds. In the foreground, a small, dilapidated wooden cabin with a collapsed roof sits on a desolate, ash-covered ground. To the right of the cabin, a dark bull stands. The overall atmosphere is one of devastation and despair.

Ермак Болотников

Безликар + Невестка

Ермак Болотников
Безликая Невестка

«Автор»

2026

Болотников Е.

Безликая Невестка / Е. Болотников — «Автор», 2026

Смерть — есть истина. Смерть — есть долг. Ее заветы непреложны, ее воля есть закон. Смерть — есть награда, жизнь — служение Ей. Все равны в смерти, мертвецы не страшатся и не сомневаются. У мертвецов лишь одна цель - победа. Воля смерти будет исполнена. Любой ценой.

© Болотников Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Ермак Болотников

Безликая Невестка

Глава 1

- Назови свое имя, Чтец. Ибо Матерь Смерть должна знать служителей своих.
- Лизастрия.
- Назови свой дом, Чтец. Ибо Матерь Смерть не терпит изменников в рядах своих.
- Объятия Матери Смерти мой единственный дом.
- Назови свою цель, Чтец. Ибо Матерь Смерть приемлет лишь одну цель.
- Исполнение долга. Любой ценой.
- Прими свою судьбу, Чтец. Ибо в смерти все делят одну стезю.
- Да будет так... Ибо я есть служитель Ее на земле.

Молитвенные песнопения стихли окончательно, уступив место возвышенной тишине. Сводчатые арки покрытые древними символами долгие века хранили в себе немало секретов... они видели рождение героев и предателей. Они слышали как ломалась на части вера и как гибли бесчисленные души Чтецов о Смерти, соvrащенные ересью. В воздухе витает переплетение смерти и жизни, единая плеяда сотен умерщвленных здесь тел... разум в которых никогда не рассыплется в пыль. Саркофаги чтут память погибших. Их души никогда не покинут толстых чернокаменных стен. Они навсегда останутся слугами этого места. Герои и предатели, великие лерии и жрецы, дезертиры и преступники. Они все есть напоминание о милости Матери Смерти. О Ее последнем суде. Руны одна за другой вспыхивают вокруг гранитного склепа, расписанного ритуальной кровью принесенных в жертву Лерий. Ведьм и чародеев... оказавшихся недостаточно властными и жестокими, чтобы взойти на новую ступень собственной жизни.

Она убила их. Без жалости и сожаления, не ради выживания... Сама смерть наградила ее даром свирепости, даром кровавой жатвы. Роль не судьи... роль лезвия ножа, которое впивается в глотку. В плоть виновных и безвинных. Ей нравится лакать стекающий по локтям пьянящий поток крови. Нравится слышать предсмертные стоны и видеть отчаяние в округлых, обезумевших от ужаса зрачках. Но смерти их были не напрасны. Это не был акт дикости... лишь приказ, первый в ее новой жизни. Приказ, данный ей в обители мучеников и на последнем суде Их. На суде Богов Стали. Он должен был быть исполнен. Любой ценой. Она уже заслужила свое вознесение в объятия Матери Смерти.

Иссиня-бледные руки скользят по граниту. Касания возбуждают среди вековых расколов пульсирующие энергией жилы чистой магии. В девушке упрямо переплетаются кровь и порча, первородная энергия троп и пылающая внутри ярость истовой веры... извращенной, преданной во имя амбиций веры. *Грех, который она не помнит... грех, который не смает крови с ее имени, грех что навсегда перечеркнул ей прошлую жизнь.* Целый калейдоскоп цветов течет среди наростов. Они расходятся во все стороны от могильного гроба, из которого с закрытыми глазами поднимается новая избранница, Невестка, как их называют собратья по оружию, самой Матери Всея Смерти.

— Дитя первородных троп, избранница и проклятье Их... *бывшая наследница великого рода Рихтер.* Отныне же, наша новая сестра во служении... что помнишь ты из прошлой жизни, что сохранили в тебе Близнецы и что даровано будет матери Смерти?

Перед глазами одно за другим проносятся видения. Они кажутся ей чем-то безвременно далеким, чуждым и слишком мягким. Слишком чужеродным. Как могла она... быть столь богобоязненной и слабой? Отвращение вонзается в сердце подобно ядовитой змее. По венам, дрожа, льется отравяющая слабость. Но воля ее сильнее. Ибо она есть избранница Ее. Вот — правильная Лизастрия. Она есть годы тренировок, лица наставников... Она — вкус крови, некогда противный и омерзительный. Сейчас он слаще пирожных и пьянящее вино. Она помнит Триумф. Один триумф за другим, блистательная слава ее подвигов!

На поразительно бледном, высушенном лице простирается резкая и надломленная у уголков рта улыбка. Воспоминания дарованные ей насыщают тело приятным теплом, гордостью за свое прошлое, честолюбивым эго. Она — бич еретиков столицы. Та, кто уничтожила культ Фория и спасла самого Императора от краха. Она — Карательница трущоб... утопившая кварталы кровью сотен нечестивых выродков и предателей. Ее руками творился покой столицы, святой Колыбели Империи Стали... где год за годом, день за днем она училась, постигала таинства наук и росла. Не только над собой... но и над другими. Никто не был ей равен, по крайней мере... так она считала.

Хватка Невестки крепчает. Ее пальцы надламывают края саркофага. Сила вырезает на душе свои замысловатые узоры. Глаза неспешно открываются могильным огням, они ярко горят в руках сотен размытых образов паломников и ее новых братьев. Искривленные силуэты приветствуют ее возвышение зауспокойными, тягучими как патока молитвами. Темные казематы, истязание названные тренировками, разорванные до мяса плечи и связки, которые трещат по швам от извечного напряжения... Воспоминания о днях внутри академии лишь заставляют улыбаться. Все они, члены ее бывшего учебного полка... те, кто день за днем делали ее совершеннее и сильнее. Они предстают перед взглядом, кланяются пред ней. И исчезают в вспышках крови. Что случилось с ее домом? Почему все мертвы!? Оскал кривится, воспоминания молчат, но шрамы истомно воют. Попытки, боль, кровь, слезы... все прошлое сливается в мрачную могильную стезю.

Тело вздымается над лежбищем словно от удара. Вокруг вновь раздается гулкой гимн. Он перебивается лишь звонкой трелью послушниц, с высокими, девственно чистыми и сводящими с ума от святости голосами. Шаг, еще один... Ее хребтина истомно воет и скрежещет, *что-то неправильное*, инородное. *Нечто что она скрыла от всех*. Прошлое, полное не только славных триумфов, но и разлагающей душу ереси... Связей с демонами, с отступниками, жажда знаний, которую было ничем не унять. Это ее извечный клинок, висящий над головой, последняя стяжка, давящая на шею в преддверии истин. Вырванный и замененный на сталь позвоночник, ибо прошлый... оказался разрушен влиянием скверны.

— Я помню долг, которому следовала. Помню свои победы, блистательный свет фанфар и полные надежд глаза, вззирающие на меня. Я помню тьму в зрачках потерянных, которым я несла гибель, в воспоминаниях витают их мольбы, но я оставалась глуха к милосердию. Ибо нет жалости к пропадающим душам... неспособным принести пользы. Я помню бесчисленные истязания и пытки, которые сделали из меня совершенный, отточенный до черна клинок. И помню... как была запятнана греховным знанием, родившим во мне сомнения и ересь.

— Ты пережила свою гибель, Чтец. Ты была на суде Их и вернулась сюда. В твоей чистоте у нас нет сомнений... но прежде, чем ты окажешься достойна стать частью служителей Матери Смерти... продемонстрируй совету, что есть Лизастрия на самом деле. И пусть же бой этот принесет хорошую жатву. Вознеси кровь во имя Ее, вознеси кровь во славу Империи!

Вокруг гудят трибуны. Десятки, сотни закованных в черные латы людей, потерявших свой человеческий облик и искру жизни в глубоких, черных глазах, бьют о щиты. Величе-

ственные колонны украшены золотом и обсидианом. Они скидывают с себя тканые гобелены с гербом нового дома для Невестки Смерти. Дома Лессеров, бессмертных владык ее новой “несмерти”, возлюбленных слуг самой Матери. Вокруг витает чудотворная молитвенная песнь, ласкающая измученный криками боли слух девушки. И монотонный стук. Стук сердец, щитов и оружий.

К ногам Лизастрии насмешливо падает обломок клинка, с разбитой на части гардой. В отражении металла она видит тень. Секундой позже силуэт разрастается за ее спиной громадной тушей, сотканной из кошмара и порчи. Запах демонической крови касается ее сознания. Ноги срываются с места, кожа предплечий вспыхивает светом тысячи факелов, освещая горящие багряным отливом вены рук. Резкий свист и тяжкий удар когтистой лапы рассекает воздух, но звонкая трель ответом раздается в полумраке храма.

Лезвия когтей столкнулись с разбитым клинком. Перед Невесткой, хлюпая плавящейся плотью, выступает уродливое слияние, слепленное из отрезанных частей тел и истекающее раскаленным металлом. От него исходит смрад другого мира. Она видит его в реальности... грязный шлейф ржавчины висящий в воздухе. Шесть разнообразных рук, две из которых отличаются обилием длинных бронзовых когтей и следами еретической магии, целятся в грудь Лизастрии. Копытообразные пальцы пары жилистых ног резким движением сближают Невестку смерти с ослабленным Мясником Симиэля. Удар, вспышка света, еще удар... тело изящно скользит по плитам под величественные гимны. Отступление, блок и взмах изуродованной сталью... и снова отступление, уворот и возникший в воздухе магический щит. Он страстно питается кровью демона и его проклятой, хитиновой сталью. На землю одна за другой падают руки. Они бьются в конвульсиях под светом благословенных огней.

Улыбка не сходит с лица ни на мгновение. Ни с одного из лиц. Бой... нет ничего лучше боя. Ничего, что приносит столько счастья и истомы, ничего не будоражит разум так, как делает это смертельный поединок. Ничего не заставляет кровь кипеть и разливаться по телу пьянящими волнами чистого адреналина, кроме ощущения близости ее госпожи, Матери Смерти.

Удар, разворот, нырок... Лизастрия прокатывается между лап демонической твари, перерезает сухожилия левого копыта и ударом в заросшую хитином спину загоняет клинок в пульсирующее демоническое мясо, пронзая насквозь сердце и заканчивая свой поединок. Булькающий хрип... громкий удар. Измученный демон валится вперед, бессвязно клацающая клешнями по земле и извиваясь.

Руки Лизастрии, покрытые жгучей, латунной кровью, поднимаются вверх. После чего кисти складываются в форме двух змеиных голов, скорее по привычке отдавая часть славы Близнецам. Черная кровь течет из разорванного брюха и внезапно замирает. Воля Невестки наконец подчиняет себе сущность демонического отродья. Несколько секунд пассивности, тени окутывают пространство, из под земли рвутся хлесткие сполохи огня. Демонический выродок бесследно исчезает в пламенеющих языках бордового пламени. Клинок падает на землю, истекая демонической кровью и внутренностями. Больше в нем нет нужды, она победила. Глаза закрываются, Лизастрия неспешно читает молитвы, подыгрывая такту поющих паломников и наслаждаясь послевкусием своего очередного триумфа.

— Силы, дарованные тебе Близнецами, ты не воспользовалась ими во время боя, Чтец. Отчего пренебрегаешь ты даром Их, и мощью, над которой властвуешь?

— Ибо нет ничего слаще, чем видеть боль и страх, текущие по узким прорезям глаз... Я не желала быстрой победы, я хотела чтобы прекрасный хор святых дев и мои братья зрели, как слабы и ничтожны демонические твари против истинной дочери Их. Сталь крепка!

— Империя вечна!

Оглушающий рев сотен голосов раздается вокруг. Простой клич отзывается многократным эхом от высоких стен и катится волной, сметая всякие мысли и парализуя разум. За спиной появляются пугающие, искривленные в пространстве тени. Они смутно знакомы ей. В этот

раз, не запах скверны преследует нежданных существ, не аромат греховной сущности... а сам образ Смерти явился в реальность.

На плечи Невестки ложится пара бархатных рук. Бархатных рук без плоти и кожи. Нежные касания облачают спину в багрово-алый плащ, украшенный гербом ордена. Раскрытой книгой, вложенной в две руки, одна из которых торжественно облачена в доспехи, а вторая истекает плотью, сорванной с костей. Тени скрываются из виду так же внезапно, как и появились позади. Их взгляды отпечатываются в затуманенном разуме и иссеченной душе Лизастрии. Кто-то вечно будет следить за каждым ее шагом, кто-то всегда будет рядом. Две сущности, пришедшие из темных кошмаров и видений. Призраки, ждущие осечки... готовые сорвать с плеч трофей и знак равенства с новой семьей. А после, ударить в грудь, глядя, как жизнь утекает из тела.

Глаз дергается, но девушка не подает виду, дрожащие, костлявые руки страха не властны над ней! И никогда не будут... не во имя этого была отдана прошлая жизнь. Не во имя ужасов ее готовили к этому дню, а во имя славы и знаний. Во имя воли Смерти... которую она исполнит без прегрешений. Шаги уже не те, что после пробуждения. Кровь течет по венам, поет ей свою песню, тешит разум силой, которой обладает Невестка... Ее ровный марш отзывается в пантеоне всплесками неконтролируемой силы. Магия вырывается из-под оголенных ступней, слетает с пальцев и кончиков волос.

Энергия разлетается отголосками чуждых криков или кровавыми разводами. Они проявляются на стенах, вычерчивая переплетенные узоры. Некоторые паломники хватаются за свои головы, начиная истекать бордовыми каплями. Иные рвут плоть и падают на колени. Третьи шепчут *Ей*молитвы, только лишь *Ей*. Воители оглядываются, отмахиваясь от окровавленных призраков. Все стихает, стоит ей только остановиться в центре священного собора, где заседает величайшее, из собраний дома... Совет Матери Всея Смерти.

— Обычно, я не присутствую на посвящении новых слуг моего рода, в особенности в единичных экземплярах. Но сегодня... день знаменательный. — Голоса человека не слышно в зале. Лизастрия внимает ему в своем разуме. Она чувствует, как внимательный взгляд скользит по ее душе вожделенно... почти одержимо. С привкусом страха, незримого для смертных и для Невестки. Страх, который видит только Возлюбленная Лессера — Матерь Смерти. Вальяжный, властолюбивый, жестокий но при этом леденяще спокойный, как у самой гибели, голос владыки дома доносится до нее отголосками криков убитых. Шепот грызет ее душу. Шепот столь мрачный, потусторонний и отрешенный, что он кажется практически божественным. — Одна из дочерей великого рода почтила нас не только своим визитом, но и желанием биться под знаменами Матери Смерти. И не простого рода... а Рихтер, тех, кто в своей истории были всеми... но только не воинами. Я слышал о тебе, Лизастрия, я впечатлен тобой, Лизастрия... не будь моя душа поделена между долгом супруга Смерти, Империей и Ими, я бы даже стал тобой очарован. Я бы принял за честь взять тебя под свой покров, обучить таинствам, приняв как родную... и, возможно, в конце концов именно ты стала бы ключом к возвращению нашей былой славы. Ты способна вселять в души страх, это... ценный дар. Но увы, в тяжкие для Империи годы твое мастерство требуется в иных местах. Вокруг себя ты видишь моих вернейших людей... и членов семьи. Четыре полка, святых полка, выживших в бессмысленной резне Великой Смуты. Они оставались верными Империи и догмам Смерти до самого конца. В итоге именно они стали столпами нашего нового величия. Все, что сейчас есть Чтецы о Смерти, все, что есть мой дом... это четыре великих полка, ставших легендами. И сегодня один из их магистров возьмет тебя к себе на службу. Я же утвержу выбор, со всеми почестями, достойными дочери Тиера.

Лессер не безумен. Несмотря на то, что разум его кажется Лизастрии лабиринтом, не имеющим конца и края. Отнюдь, взгляд возлюбленного Смерти, который источает могильный холод цвета сапфира и далекое очарование полной луны, открывает глубочайшую мудрость Спруга Смерти. Внутри его взгляда протекают мириады событий, теорий, мыслей и планов. Они строятся и рушатся каждую секунду бытия. Лессер не облачен в броню, на нем нет украшений или роскоши, одни лишь ритуальные одеяния. Шелк практически слился с кожей. Под мантией блестит серебром острая чешуя, которая пожирает собой большую часть груди, плеч и горла. Изящные лезвия издают стук и отражают перевернутую крестовину, вырезанную на истлевшей коже возлюбленного Смерти.

Но это меркнет перед его лицом... лицом самого апостола забвения и краха. Неизбежной Смерти. Взгляд Лизастрии поднимается вверх и переплетается в танце с пустыми глазницами, в которых крутятся изуверские зрачки, похожие на сотни тысяч склеенных между собой линз разной формы и оттенка. Центр лица Лессера это обнаженный, бледный череп, на котором пеплом искусные мастера начертали изображения раскрытых глаз. Кожа черными струпьями начинает расти ближе к середине шеи и верхней части лба. На голове Лессера вьющиеся черные волосы, покрытые ржавчиной. За спиной Лессера, покачиваясь, раскрывается огромное крыло, сотканное из отлитых латунных костей и перьев белых ворон. Костлявая рука правого предплечья резко поднимается вверх. Живая, левая, сжимается в кулак и освещает комнату десятком факелов.

Двумя пальцами он указывает на деву, что властно сидит по правую сторону. Слово передано. Лессер опускает угрюмый взгляд, на мгновение улыбаясь стоящей перед ним Невестке. Апостол Ее что-то тихо шепчет. Быть может молитву или прошение о милости у Матери. Но в глазах Лизастрии отпечатывается один лишь жуткий оскал забвенной гибели, который пробирет холодным ветром до костей.

— Я Мария из рода Лессеров... младшая дочь нашего мудрейшего отца... Глава Полка Пророчеств. Мы не ведем войны, мы малочисленны, каждый из моих людей — лерия, силы которых направлены лишь на одно. Узнать, что замышляют наши враги, наши союзники и слуги... после чего устранить их прежде, чем те нанесут удар. В тебе есть дар Их, ты сильная, даже слишком... ты бушующая стихия, бойня, ты не жаждешь знать грядущее, ты намерена творить, не веря в предрешенности. брошенные игральными костями Близнецов. Возможно, когда-нибудь... мы сможем сработаться, но частью нашего полка тебе не стать.

Девушка... *красивая*. Это слово раздражающим шумом мелькает в разуме. Оно врезается в него со всей болью и порочностью. Вместе с воспоминаниями, отнятыми госпожой Смертью. Много красивых вещей возникает перед взором всего за долю секунды: вещи, люди, дома, лица и губы... Практически незаметно мотая головой, Лиз стряхивает наваждение, после чего покорно кивает.

Невестка не ощущает ни негодования, ни ярости, лишь страждуще изучая то, чем является лерия перед ней. Вокруг всего есть песнь: песнь смерти, крови, денег... люди источают музыку душ, боги подобны величественным оркестрам, магистры полнятся звуками своих предков... даже демоны имеют свою извращенную, но притягательную музыку. Но Мария... вокруг нее нет ничего, лишь пульсирующая пустота. Одна лишь тянущаяся ко всему живому сила — сила увядания... Лизастрия опасно ступает назад.

Невестка видит, как незримые, расходящиеся во все стороны лучи порочной власти Смерти тянутся к ней, желая опустошить. Вот откуда пророчества, тонкие щупальца, иссушающие все живое, странствуют между теней, надеясь найти новую жертву. Вся их цель — коснуться, забрать жизнь и, самое главное... время, с помощью которого лерия сможет взглянуть на то, что предрешено Богами. Страшная, ужасная сила... и судьба одиночки, не способной

находиться рядом с людьми без опасения забрать всю их жизнь. Впрочем, любая лерия берет на себя крест изгнанника.

Внешне Мария унаследовала проклятье и дар своего прародителя... касания Смерти изуродовали и отняли часть живой плоти. Она сидит на троне, сложенном из черных костей. Крестцы украшены причудливой резьбой, они поглощают часть ее сил, позволяя просто находиться рядом. Мария обладает удивительно прекрасной, живой кожей... с теплым, слегка темным оттенком, похожим на обсидиан или оникс. Но вторая часть лица — оголенный скелет. Белые кости идут от лба и вплоть до подбородка. Разукрашенные золотым орнаментом и древними имперскими молитвами, они крепко связывают силы Марии в подобие косы, что вьется в орбите ее души. Фиолетовые, как вспышки молний в самом истоке, узкие, как порезы от ножа, ее зрачки из чистой, бушующей энергии шторма переплетают в себе будущее, настоящее и прошлое, создавая мозаику чудесной красоты. Лизастрия готова смотреть в них вечность и дольше.

Ее одеяние отличается от отцовской мантии возвышенным сочетанием фиолетового и золотого. Пышное платье, усеянное инкрустированными костями, живет своей жизнью: блуждает подолами по полу и порой выкладывает из косточек слова и изображения. Перчатки из тонкой человеческой кожи и собственная геральдика гротескно выделяются на фоне окружающего пространства. Символ это книга, в центре которой зияет распахнутый глаз. Тремя неровными линиями он делится на крупные части. В них возникают неясные картины и блуждает одержимый смех. Такой чистый и звонкий, что сводит с ума. Лизастрия отворачивается от Марии и переводит взгляд к поднявшемуся с трона мужчине.

— Треवेशя Корс. Первый магистр Полка Агонии... некогда пятнадцатого легиона единых Чтецов о смерти. Владыка наш, по волею Их, наградил меня и останки, что выжили, подлинным несмертием. Оно стало нам даром и проклятьем. Я видел, как пала единая Империя Стали. Я был во время битвы за Императорский дворец и стоял на передовой, когда рушилась последняя крепость, стоящая на кровавых рифах... Я читал молитвы подле гроба самого Горестного, сражался рука об руку с Гончей Империи и даже зрел, как сам Владыка нечестивых вел на нас свои армады, смеясь кровоточащим смехом. И ты не заслуживаешь места ни в моем полку, ни в ордене, ни в жизни. Точно не после... — Мужчина внезапно осекается и раздраженно мотает головой. — Я отказываюсь звать тебя своей сестрой, никогда мой полк не примет ни тебя, ни подобного тебе отродья. Один только запах ереси, который разит от твоего сердца, вызывает во мне жажду взяться за клинок и искромсать твое тело. Но зная... у кого на тебя планы, я лишь скажу тебе, Невестка смерти, парочку ласковых слов. Знай, однажды все ответят за свои поступки перед Ними... и раскаяние тебя не спасет. Ты будешь пылать в огнях своей ереси... покуда нечестивые лорды будут смеяться над твоими муками!

Гончая... десятки тысяч мелких фрагментов складываются в памяти девушки образом столь странным, что ей никак не удастся воссоздать его до конца. Но не только Треवेशя бился об руку с вернейшим из слуг Его, и это она помнит точно. Жаль... что сейчас никому нет до этого дела. Прощлая жизнь уже не вернется... и былые заслуги лишь пыль, пред тем, на что Невестка смерти готова сейчас.

Треवेशя ждет реакции, его пылающий янтарем зрачок подергивается из стороны в сторону. Второе око заменено на медное. На котором горит молитва о ненависти. Некоторые слова на металле стерлись, текст больше похож на обрывки проклятий, направленных на весь мир вокруг... Это кажется девушке бесконечно забавным. Лицо Корса изуродовано сотнями шрамов, порезов и заплаток. Некоторые куски и вовсе из стали, грубо слитые с телом при помощи стяжек и пламени.

Тело... куда больше, чем у обычного человека, даже больше, чем потомство Вир. А их рост порой превышал два метра. Из-за этого доспех кажется куском баррикады, который надели на медведя. Прочнейший слой черного железа, украшенный шипами с черепами людей и демонов. Некоторые из них были бережно подписаны как "Venn" — друг по северному наречию. Другие напротив, иссечены мелкими зарубками и проклятьями. В центре нагрудника на цепях висит очищенная от плоти и отросток морда одного из демонов Симиэля — клыкастая тварь с двумя подпиленными рубцами и остервенелой мордой. В ее глазах по-прежнему горит огонь. Чуть выше глаз зубилом выбито слово "Кара".

За спиной Тревесья на прибитых к доспеху шестах горделиво реют знамена. Их древки держатся на вытянутых скелетах, насаженных на прутья. Одно из них — герб рода, второе — Полка, все та же книга — Великий молитвенник смерти, ставший символом Чтецов, но пронзенная насквозь клинком, на гарде которой стоит цифра пятнадцать.

Тревесья великий воин, истинный жнец смерти, но страха перед ним немного. Лизастрия лишь надменно ухмыляется грозным словам, глядя прямо в остервенелые глубины его разума и заставляя сильнее сжимать рукоять своей алебарды. Воскрешать в его разуме древние битвы и подавленные ужасы вечной жизни удивительно просто... И приятно.

— Почему-то, когда мой драгоценный друг говорит обо мне во время наших встреч, сразу становится как-то не по себе. Словно... гм, на суде, что ли? Я обойдусь без пафосных речей, Лиз... именно моей инициативой было приставить к тебе Коренса, моими усилиями было довести тебя до нужных мыслей и идей... в конце концов, ты наконец здесь. Приветствую, моя новая центурион... Я Кендерик Маллеус, глава Полка Истин. Величайшего... из всех исследовательских полков, способный уничтожить всякого, кто осмелится встать на пути наших амбиций. А ты отныне его неотъемлемая часть и моя личная фаворитка, чего уж тут скрывать. Заполучить в свои руки... впрочем, обсудим это после окончания инициации.

Коренс... лицо искажается внезапной теплотой и воспоминаниями. Память жестоко сотрясает позвоночник россыпью боли. Он спас душу от ереси, он вырвал прокаженный хребет и заменил его чистой сталью... наставник из числа тех, кто стал незаменимым. Магия, бой, демонические отродья... Лизастрия подается вперед в трепетном восторге, в жажде вновь увидеть его, будучи обновленной, совершенной, одной из них. Коренс... Лорд без Земли, помнишь его образ чуть менее четко, чем родного отца, вот величайшее достижение. Вот она, благодарность за все, что он сделал. Это, и бесконечная верность лично Ему. И Невестка смерти чтит каждое деяние наставника, если бы не он... не было бы ничего из этого. Ничего!

Взгляд Кендерика полон измерений. На фоне остальных, мужчина практически теряется в своих простеньких мантиях и капюшоне, что скрывает ничем не примечательный, бледный черепок, усеянный молитвенными словами. Ничего, ни крыла за спиной, ни облезлой кожи, обнажающей скелет, ни исполинской фигуры и первобытной ярости. Лишь расколотый посередине шеи ошейник из закаленного стекла, внутри которого бушует чистейшая огненная эссенция. Манифестация переливается всеми цветами изнанки. Но его посадка, его движения... как бы ни бахвалился Тревесья, Кендерик куда старше. Его вольность, спокойствие... Взгляд Марии делает все, чтобы не пересекаться с человеческими, синевато-зелеными зрачками, казалось бы, добродушного старика. А последний из сидящих магистров и вовсе параноидально сжимает пальцы, да так сильно, что костяшки белеют и выступают из кожи подобно шипам.

Но Лизастрия не испытывает ни малейшего страха. Нет ни благоденствия, ни трепета, лишь интерес, первобытный интерес. Пытаясь проникнуть в разум магистра окольными путями, она встречается с силой столь великой, что невольно... прежде высокомерная, уверенная и властная, она падает на колени, пораженная психическим потенциалом и валом различных музыкальных трелей, проникших в ее разум в мгновение ока. Это... чистый хаос, не

запятнанные ничем влиянием тропы, которые идут насквозь и громят все, чем является Лизастрия. Сознание Кендерика это безумный хороводом, в котором сам Магистр видит всякое движение, всякое действие и изменение. Он направляет поток своей волей, мановением рук, практически незаметными в полумраке.

Из ушей и с краешков губ Лизастрии стекают ручейки крови. Самообладание вскоре возвращает в растопыренные на земле пальцы волю. Невестка поднимается под искренний смешок Кендерика. Он отдает приказ одному из паломников принести для избранницы платок, оторванный с его же робы. Поднимая вверх взгляд, Невестка замечает, что лишь у полка истины герб похож на привычный для Чтецов... раскрытая книга, с одним единственным отличием, держат ее в своих руках исключительно люди, лишённые пороков. Чистый полк... возможно, единственный не изувеченный вечной тенью матери Смерти. Или... за гербом стоит что-то большее?...

— Что ж за привычка у всех моих учеников первым же делом пытаться забраться мне в мозги? Неужели не понятно, к чему это приведет? Впрочем, неудивительно, любознательность любой ценой, как вдохновенно и по-нашему! Госпожа Рихтер еще хорошо справилась, я ведь говорил, Морех, она выдержит покруче тебя... уж извини, друг, но ты не мог использовать чистые тропы без вреда для себя. А она может. Дорогостоящий для столь юной особы.

— Конечно, Кендерик... Даже завидно, что ты прибрал ее к себе куда раньше, чем я заметил потенциал... Было бы до смерти отрадно утереть тебе нос ее успехами под моим началом. Приветствую, юная Лизастрия, я Морех Лессер, один из сыновей нашего бессменного владыки... И глава последнего из полков. Полк Потерь приветствует тебя в нашем ордене... отныне и до самого конца. Я бы с удовольствием видел тебя среди нас, но признаюсь... Кендерик способен дать тебе нечто, что нам неведомо. Будет приятно встретить тебя посреди великой резни и узреть, как бьется первая из Рихтер, взявшая в руки клинок. Признаться, я слышал о твоих подвигах, да и сегодняшняя демонстрация достойна воителя.

Юноша... Что-то в сердце скользит и падает, крошась на мелкую пыль. Взгляд не отрываясь следит за Морехом, улавливает каждое движение рук и каждый броский взгляд. Черные как смоль волосы, взъерошенные то ли намеренно, то ли в спешке. Он напоминает Лизастрии кого-то... кого-то родного и нежного. Улыбка — это все, что она пока что способна узреть в обрывках воспоминаний, метаящихся из стороны в сторону. Но вскоре, то сходит на нет.

В юном Морехе угадываются все черты отца, начиная от формы лица, глубины глаз... Пусть пока и не ставших собирательным образом из власти и силы троп. В нем чувствуется простота Кендрика и возвышенность, присущая старшему Лессеру... А ко всему прочему, его левая рука — ничто иное как костяное творение. На конечности насмешливо болтаются из стороны в сторону несколько черепов демонических тварей и людей. Наплечники с обсидиановыми розами блестят ржавыми, медными слезами.

Морех уверенно берется за свой кубок, вальяжно поднимает его над залом, расплываясь в очаровательной, жестокой улыбке, похожей на волчий оскал. Доспех выглядит на нем как часть тела, плотно прилегая к нему и повторяя каждое движение. Украшенный резьбой, подобной ребрам человека, с золотыми полосами и множеством разнообразных костей, идущих по голени и предплечью здоровой руки, он кажется легким и хрупким. Голову юноши украшает церемониальная корона, с горящим в центре живым глазом. Инкрустированное око созерцает зал своим взглядом энтропии. От короны исходит опасная власть и сила. Возможно, чуть менее ужасающая, чем воля над временем Марии или власть Кендерика над тропами, но от того не менее интригующая.

На его знаменях, выставленных при помощи двух стражей в подобных же доспехах и с двумя алебардами, украшенными черными свечами, книга лежит запертой в руках скелета, над которым висит плачущий глаз, с широко распахнутым черным зрачком. Откинув волосы назад, Морех делает глубокий глоток из кубка, после чего переводит взгляд на отца, коротко кивая.

— Пора пришло заканчивать, отец, у Кендерика к ней множество вопросов и тем для разговора... а ей пора принять честь стать одной из нас. Внесите в залы доспех, скованный самой смертью... что станет ей оплотом на века, проведенные в служении.

— Да будет так. Приветствуем в наших рядах нового центуриона-фламенна полка истины, Лизастрию Рихтер, Невестку нашей госпожи Смерти!

Глава 2

Лизастрия справедливо полагала, что празднества и пиры не сильная черта ордена. И потому аскетизм при посвящении ничуть не удивляет ее. Отряд за отрядом, маршируя как единый слаженный механизм, группы воинов Смерти удаляются прочь. Их отражения поглощает мрачное, задымленное небо. Оно кроет бессчетные поля сражений свинцовым дождем и вихреватым, стылым воздухом. В нем витает привкус ржавчины и крови. Дождь легко бьет по крыше собора, в нем слышатся далекие отзвуки сражений, крики молитвы и проклятья. Отголоски чужих голосов сходятся в храме, моля о Смерти. В этих столах вся война, которая длится на этих землях десятилетиями.

Никто не замечает Невестку, многие из ее новых братьев и вовсе исчезают прямо на глазах, подобно видениям или духам. Она старается не думать об этом. В зале с каждой секундой становится все тише и тише, благословенное молчание перетекает в напряженный стук сердца и крови. Где-то неподалеку паломники в черно-золотых робах собираются вокруг поющего святыне молитвы прелата. В одной руке служитель культа сжимает тяжелый палаш, в другой — ярко горящий, украшенный геральдикой смерти факел. Его одежды белы. Он свят, практически горит пламенем своей веры. Лизастрия цепляется за него взглядом. Отблеск глаз... они еще встретятся. Она знает, что их судьбы сплетены. Громогласный конец молитвы сопровождается святым знаменем. Оно вспыхивает над головами паствы подобно переплетениям змей. Не оборачиваясь назад, молодой мужчина ведет всю колонну к объятым пожаром лесам, проповедуя святыне наказания по уничтожению и сожжению “Geminos Apostatae”. Еретиков, которые затаились среди вечного зарева горящего леса, где властвует кровавый владыка.

Мария удаляется сквозь раскрывшуюся за ее спиной тропу, уводя с собой нескольких пораженных ее проклятьем лерий. Заключенные в громоздкие, сковывающие тело цепи, поросшие коркой фиолетового льда, они бьются в агонии ритуала и стеноют. Охлесты их ментального воя доносятся до слуха Невестки, они больно врезаются в сознания, удушливо сжимая его в тиски. Воля верховного Авгура сдирает плоть с их сердец и душ каждую секунду. Вскоре они умрут.

Треवेशья и Морех возвращаются к своим полкам, из-за плеч поглядывая на Невестку. Взгляд Претора Агонии полнится животной ненавистью. Его клыки врезаются в мертвые губы, с них стекает черноватая кровь; он желает лишь одного — ее смерти. Но подобное Лизастрия видит далеко не впервые. Глупцы, не способные понять и признать силу, всегда гавкают и скрежещут когтями в надежде, что, уничтожив таких, как она, смогут сохранить тот шаткий мирок, в котором живут. Но что-то в Треवेशья заставляет сердце девушки стучать медленнее; что-то вызывает страх и недоверие... сходство с медведем, израненный и весь в шрамах, давным-давно она уже сталкивалась с похожим врагом. Детский, более не положенный ей по статусу страх, поднимает свою голову, скребя по разуму и сердцу багряными лапами. На них она чувствует геральдику Архитектора войн. И пепельную шерсть кота.

Морех источает лишь чувство жажды и отречения. В воздухе течет нестерпимый и привлекательный аромат скорби... Горькая тоска расплзается по ее телу; от изучения ауры сына Смерти Лизастрия ощущает лишь боль, но боль приятную и знакомую. Таковую, что сковывает движения и путает мысли, что заставляет оживать странные видения. Она открывает путь больному бреду из прошлой жизни. Черты лица, странная походка, телосложение и безучастность в глазницах... Ее кожа отзывается. Вспоминает быстрее разума. Кто-то нежно прикасался к ее талии, игрался с волосами, проводил ледяными руками по торсу и щекам... Во взгляде Невестки прорезаются порочные мысли. Одержимая жажда понять, насколько действительно отвратительны и болезненно холодны костлявые пальцы Мореха. Как они станут соприкасаться с ее естеством, с ее душой и разумом. Отворачиваясь от юноши, Невестка волей гонит

нечестивые мысли в дальние углы разума и беспощадно приносит их в жертву своей стойкости и выдержке. Именем Госпожи Смерти, Истерис не получит ни частички ее души. Чужды ей откровения похоти, чужда порочность жажды.

Лизастрия покорно опускается на колено перед возникшим рядом с ней Лессером. По правую руку от него, игриво улыбаясь, ждет Кендерик. Запахи прелой листвы и гниющего леса исходят от ее нового магистра. Веяния разложения переплетаются с мертвецким холодом Возлюбленного Смерти и силой Лессера. Он практически останавливает вокруг девы само время, что разваливается на части, под его безучастным взглядом. Позади девушки встают в ряд четверо поющих сестер.

Их рысы больше похожи на разорванные лоскуты ткани, сшитые с телом воедино при помощи ярких, смоченных воском нитей, с частичками кожи и плоти. Облезлая от постоянной потери крови плоть, раскрашенная ритуальным узором из порезов и синяков отражает свет. В огнях факелов, тела кажутся мертвецки зеленым, словно жрицы уже давно гниют. Лизастрия не сводит с трупы взгляда. Вокруг их горла, ключиц, кистей, груди и плеч тянутся обрывки ткани, смоченные в смеси крови жрецов и воска. Они расписаны молитвами — святы акафисты: защита от порчи и шепота владык, награда достойным и обереги легионеров, производимые в церквях Империи или собственноручно — прелатами, лериями и избранниками Их. Они окружают жриц аурой света столь яркой и полной святости, что та невольно обжигает кожу Лизастрии. Кендерик жмурит глаза и всеми силами старается держатся от загадочных сестер как можно дальше.

— Могу я...

— Как только мы покончим с официальной частью, я с радостью отвечу на все твои вопросы, Лиз... но сейчас нам нужно проверить, не влияет ли твое... гм, особенное строение души на наши ритуальные традиции. Иначе возникнут проблемы. — Кендерик еле заметно кланяется старшей из девушек. Ее акафисты обрамлены ржавой медью, в пальцах левой руки покоится испещренный следами когтей клинок. Почему-то, он нервирует Магистра Истины и Лиз. Кажется, что сталь иссушает ее волю и силу. Могущество покидает тело от одного взгляда на причудливое, похожее на змею, лезвие. Женщина не обращает на жест Кендерика внимания и делает скользкий шаг вперед. — Ох, видимо, не только я заинтересовался этим вопросом...

— Да будет так. Калистианы, прошу... облачите Рихтер в ее новые доспехи. И проследите, чтобы ритуал прошел идеально. Нам непозволительно терять Невестку, что была благословлена госпожой Смерти на служение до последней капли крови. Грехи будут смыты ее служением... не отнимите ее шанса на искупление.

— Ибо кровь есть жатва Ее, ибо жатва Ее не должна быть прервана, ибо прервать Ее — значит прервать сам завет Матери Смерти. А завет не должен быть предан, ибо он кровь Ее.

Как одна, повторяют калистианы. Магический бред впивается в сознание Невестки, но та оказывается устойчивее. Ответным выпадом она обличает, что линия песни тянется только от главной из жриц. Остальные же... словно пусты, движения их монотонны и продиктованы волей старшей. Живы ли они вообще? Лизастрия не успевает понять.

Женщины окружают Лизастрию со всех сторон. Каждое их движение рассыпает вокруг Невестки черную стружку, от которой пахнет порохом и углем. Танец перестает быть едиными и слаженными, жрицы исполняют священное таинство, в котором каждый жест, каждый взмах руки, каждый всполох длинных волос строго определен заранее. Крапленые кровью кончики их длинных кос по очередно хлесткими ударами бьют по плечам, лицу и рукам, игриво рассекая спину... Позвоночник истомно дрожит от боли. Железные фрагменты разгораются белым пламенем и врезаются в свежее мясо, сжигая его изнутри.

Сдерживая всякое проявление боли, Невестка не сводит взгляда с Лессера. Она стискивает до крови не дрогнувшие пальцы и напрягает спину в попытке заглушить мучения. Калистианы одна за одной приближаются к ее лицу и груди. Чем ближе они подходят, тем хуже

становится Невестке: в горле лопаются пузыри из крови, кожа слезает с мяса, и перед глазами кружатся сотни белокрылых ворон. Они обращаются черными ангелами, что срываются в окровавленное небо. Разум корчится от нестерпимой, ненасытной боли, но внезапно в этой боли она слышит зов.

Ей открывается смысл танца... глубокое, страстное дыхание и блестящее лезвие ржавого клинка, что нежно входит в ее отреченную от мирского плоть. Невестка поднимает голову и быстро оглядывается, не чувствуя боли. Собора вокруг больше нет. Лишь небытие и кровавый угар, вызванный ритуалом. Музыка четырех чудесных голосов сливается в один протяжный женский вокал, что гремит вокруг подобно хору. Ее голос вторит отовсюду. Обрывки сотен тысяч фрагментов витают неясными, рваными тенями. Они ложатся пред ее стопами, дабы проводить в последний путь, после чего растворяются в небытие, сгорая кровавым пламенем. Продвигаясь следом за ними по собственному сознанию, Невестка не видит ни мыслей, ни радостей, ни эмоций, ни боли. Лишь благоденственный звон колоколен и удары стальных клинков друг о друга.

Лизастрия стремительно приближается к кипящему озеру, что до краев наполнено черной, раскаленной сталью. В глубине потока, под слоями бурлящего металла сверкает осколок... такой знакомый ей осколок без формы, запаха и вкуса. Но в нем играет *песнь*. *Песнь*которая блестит, подобно сотням разноцветных миров. Песня ее души... Она искажена и черна. Ее былая жизнь... заключенная в хрупком стекле. Она манит своей порочностью, своей легкостью, радостью и печалью, своим главнейшим грехом. И это вожделение выше всякого желания, выше догм, выше ее стремлений и выше разума. Первобытный инстинкт велит броситься в самую глубину, достигнуть дна, невзирая на бессмысленность и смерть, что сокрыты в глубине этой черной, кипящей стали. Мгновение и резкий всплеск. Поддавшись искушению, тело растворяется в металлическом вареве... прерывая видение.

— Удивительно! Даже можно сказать невероятно! Я впервые в своей жизни вижу такое чистое сочленение... А ведь я сам без малого восемьдесят лет по колено в крови вышагивал в подобном доспехе во времена своей юности. О Близнецы, мой бессмертный друг, ты только погляди, он сплелся даже с волосами, с волосами! Интересно, это из-за ее... гм, “дара”, или мы зря обрезали волосы прошлым Невесткам? А здесь, только погляди, креплений практически нет, кажется, будто он идеально ровен с телом, но сгибается просто превосходно. Ощущение... будто это ее вторая кожа. Может, старина Коренс что-то наплел с ее телом, когда доставал с того света пару лет назад? Нет, я бы точно заметил, когда выскабливал ей кристалл. Матерь святых, а этот горжет...

— Поднимись, Невестка смерти. Орден приветствует тебя в своих рядах. Возможно, ты наше лучшее приобретение за последние годы... а это говорит о многом. Твой доспех — не только часть жизни, это не просто сталь, что скрывает несовершенство нашей плоти. Доспехи чтецов куются не только из металла и драгоценных камней, в них заключено нечто, что поддерживает в наших бранных телах жизнь даже спустя годы... после мгновения смерти. В них часть наших душ. Для Чтеца нет ничего, что было бы важнее его брони. Ни клинок, ни щит, ни часть тела не сравнятся с ценностью твоих лат. Постепенно он будет стачиваться, увы, подобно скоротечности людских жизней, металлы тоже ограничены временем и подвержены краху. Как и жестокие бои способны нарушить целостность конструкции, подставив под угрозу жизнь Чтеца. Потому самые древние из нас уже давно отказались от громоздкой брони, а часть души, заключенная в латах, стала частью нашего тела. Не бойся, если однажды твоя кожа начнёт срастаться с броней. Это значит, что ты пробыла в наших рядах достаточно долго, чтобы стать достойной величайшего дара нашего ордена. Дара вечной жизни. В этот момент ты сможешь отказаться от всякой сковывающей стали, ибо жизнь твоя останется лишь в небольшом куске металла, в драгоценном камне, осколке геральдических символов. Но таких единицы... Двух ты видела — Кендерик и Тревесья, ветераны ереси и веков спокойствия Империи. Еще двое,

На'алис и Гектор, учителя моих детей, выжившие в ереси центурионы, молоды по нашим меркам, но заслужили высший дар. Некоторые ветераны так и не смогли отказаться от брони. Порой это играет злую шутку с теми, кто должен был служить Смерти еще не один десяток лет.

Подняться с колен не составляет никакого труда. Девушка величественно откидывает волосы назад — теперь они мрачно отсвечивают не просто черным, а глубоким цветом бездны, смешав в себе оттенки смолы, пурпура и ржавчины.

Оказавшись напротив Лессера, Лизастрия видит стоящее рядом зеркало, в котором единственное, что отражается — это она сама. Поразительно, но веса лат словно не существует. Чтецы о смерти маршируют в таких неделями и не испытывают ни усталости, ни боли, ни неудобства, теперь она — подобна им. Каждая пластина неразрывно связана с душой, с крепостью разума и мыслей... Доспех есть нечто большее, чем простой оплот. Это отражение ее песни. Отражение музыки каждого Чтеца, на котором воители смерти чертят украшения, узоры, символы и опознавательные знаки. Это дом и убежище... в котором память о прошлой жизни расцветает... Но только не в разуме Лизастрии. В нем лишь тьма оставленных ей воспоминаний и редкие вспышки просветлений, которые бьют по разуму ужасной трелью былого. *Трелью, в которой виднеется белый волк и чей-то грубый, стальной смех.* Неважно. Это все неважно!

Разум Невестки насильно прерывает этот поток мыслей и сомнений. Девушка моргает и смахивает наваждение. Она переводит взгляд на собственное тело. Броня меньше, чем у братьев, которых она видела в зале. Легкие наплечники украшены узором, который подобен переплетенным между друг другом стеблям ее именного цветка, асфоделя. Растения гибели, смерти и ведьмовского проклятья. Перчатки, такие тонкие... кажется, будто она ощущает пальцами дуновение ветра. На них россыпью пламени блестят все полученные ранее акафисты. Их десятки. Некоторые почти сгорели, на иных потерлись печати, третьи по-прежнему отливают золотом молитв и славы Им. Есть и те, что почернели от ереси и грехов. На них нет ни текста, ни узоров, только ржавчина и грязная печать, усеянная мелкими ранами. Они кровоточат.

Воспоминания на мгновение пробуждаются и угасают вновь. Лишь едкий запах канализации витает вокруг. На пальцах перчаток Лизастрия видит свое точное отражение и легкие рисунки длинных щупалец. Они тянутся из центра ладони до кончиков пальцев. Нагрудник подозрительно истонченный и даже плоский. На нем разум Невестки начертал древнее изображение. Написанный едва различимыми линиями, как будто кто-то чертил на стали тонкими перьями, среди пустоты металла выделяется холм, идущий до середины торса. С груди и вплоть до горла тянется огромное позолоченное стружкой дерево, на котором в разные стороны растут разветвленные ветви. Разрубленная у центра крона истекает бело-алым ручьем, в нем блестят изуродованные останки тел. Лиз аккуратно проводит пальцами по латам, но быстро одергивает руку, ощущая резкую боль. Перед взором предстает образ и насыщенный запах. Скрежет острых клыков, одичалый отзвук чьего-то воя и шелест тысяч лап. Но прежде, чем ей удастся узнать больше, видение тает.

Обернувшись, чтобы поблагодарить Владыку смерти, девушка растерянно оглядывается — от мужчины не осталась даже следа. Лишь поветрие с привкусом водки и пыли. Но магистр Истин никуда не делся. Делая Кендерiku поклон, девушка уверенно шагает следом. Поступь отражается в стенах грубыми ударами, похожими на биение сердца... Эта власть, эта сила... что-то в ней извращает сознание, придает странное чувство раскрепощенности. Разум наполняется глумливыми видениями и бесконечными полями кровавой жатвы, которые она уже готова принести в жертву Империи... и своему честолюбию. Все, во имя выполнения долга, все... во имя Истин, доспех словно шепчет ей эти слова. На мгновение, улыбка Кендерика предательски изгибается и взгляд наполняется недовольством, которое скоротечно гаснет. Рука Лизастрии дрожит и выпрямляется словно следует своей собственной воле. Отдельной от разума Лизастрии. Невестка смерти щурит взгляд. Острие ее силы направлено в грудь маги-

стра. Более не пытаюсь найти ответы в бесконечном лабиринте его мыслей, Лизастрия обращается к другому источнику правды. Порой сердце способно сказать куда больше... и в нем она зрит глумливую насмешку, легкую тень подозрений и искрящийся интерес. Ее песнь извращена. Доспех проклят, намеренно испорчен его волей, но не по злему умыслу. Мгновение, он будет готов исправить эту неточность. Но... для чего?

— Неужели так очевидно, что доспех неисправен? Какая жалость... проверка сдулась, даже не успев начаться. Морех продержался пять минут, прежде чем заметил, у тебя четыре с четвертью. Похвально, превзойти сына смерти... возможно, даже благостно, что вы с ним по разные стороны, рано или поздно он ощутил бы в тебе угрозу. И я не уверен... кто вышел бы победителем из вашей дуэли.

— Я всю жизнь мирюсь с шепотом в голове... Он кричал мне, жаждал изменить. Он грыз мой разум, путал мысли и извращал то, что свято. Подобное... практически оскорбительно, магистр. Неужели я недостаточно доказала своей преданности, того, что способна отличить свои мысли от мыслей демонических тварей!? Моя воля сильна, я способна менять мир как того пожелаю!

Поводок разрывается на части и чужие мысли исчезают из сознания. Разум наполняется привычной жестокостью и яростным хладом, который бродит в мыслях Невестки всю ее жизнь. Но гнев так просто усмирить не удастся. До скрежета сжимая кулаки в отчаянных попытках подчинить взбунтовавшуюся силу, Лизастрия отступает назад. Но терпит поражение в борьбе с собой.

Секунда, и расколотые плиты вокруг заполняются чистой кровью... но вместо разрушения, которое та могла принести древним залам, кровь начинает менять свой цвет, свою прочность и саму свою суть. Поднимаясь из древней земли и врезаясь в реальность, кровь перевоплощается мраморными изваяниями, чем-то отдаленно напоминая живых существ. А после, как одна, статуи взрываются, с гулким грохотом разбрасывая вокруг себя ошметки ало-черной, разлагающейся плоти. Она впервые разукрашивает латы Невестки брызгами крови и комьями мяса. Первый, но далеко не последний раз в ее новой жизни.

Кендрик вздыхает без злобы и гнева. Он мгновенно смывает с себя грязь и гниль, после чего, окидывает зал взглядом. Легкое движение двух пальцев и разбросанные вокруг кусочки плоти сливаются в уродливое подобие человека. Разочарованно цокнув истошно кричащему куску мяса, магистр обращает тело в устрашающую каменную статую, которую, повторно осматривая, лениво разбивает, подталкивая на пол.

— Ваша сила... Прошу прощения, магистр, я не смогла сдержаться. Ваше неверие не ваша вина, а моя. Клянусь, больше сомнений во мне не возникнет, как не повторится и эта слабость. Но как вы смогли... оно было практически живое, практически человек, сотканный из гнили и порченой крови.

— Некоторые зовут меня магистром жизни, весьма льстивое имя, хочу отметить. То, что было в твоей броне, всего лишь рядовая проверка... что-то похожее на розыгрыш для новичков. Некоторые из вас сходили с ума от шепота и в конце концов танцевали перед всем полком, разбрасываясь одеждой за свою невнимательность или глупость. Иногда выходило просто уморительно! Рассказал бы, да есть дела поважнее. Не бойся всплесков силы, они нормальны в первые несколько часов после пробуждения и сочленения с броней, это пройдет. Хочется отметить, что я поражен тем фактом, что ты смогла добраться до могил этих мест и так бесцеремонно осквернить их, пусть и техника... мне несколько непривычна. Возможно, аколиты крови сохранили познания, которые мне недоступны. Правда то, что я увидел, кажется слишком уж "чистым", особенно для их традиций. Поверь, заниматься разорением захоронений тебе придется чаще, чем можно подумать, и возможность чувствовать кровь здесь необходима. Будет время, поблагодари бывших наставников, они оказали тебе бесценную услугу. Теперь за

мною, Лиз, хочу поговорить в более живописном месте. Возможно, в моем любимом во всех этих проклятых землях.

С балкона одной из башен открывается чарующий вид на полигоны одной из величайших застав Чтецов смерти. Под взором Лиз вышагивают свежие, ровные в шаге центурии Чтецов. Они сопровождаются обозами скитаров в тусклых мантиях, священниками и отрядами легионеров пепла.

Построенная как город-ключ в центре небольшого горного перевала, нынешняя церковь Ланса Очистителя долгие века являлась подобием загородного особняка Лессеров. В века спокойствия для Империи собор стал местом многих кафедральных заседаний и религиозных прений. Во время великой ереси здесь пали жертвами лжи и обмана десять из пятнадцати великих легионов... и глава дома Лессеров, Тристан Безумный, что повел войско против Империи не из честолюбия, не из побуждений справедливости, а по воле жесточайших из существ, Демонических владык.

Годы очищений сделали это место перевалочным пунктом между раздираемым войной берегом кровавых рифов и южной границей земель оков. Сюда и по сей день стекаются паломники, ищущие раскаяния в войнах, новобранцы ордена и силы легионов, брошенных на помощь Чтецам в их нелёгкой бойне, длящейся более тридцати лет.

С высоты полета птиц, Лизастрии открывается превосходный обзор на сотни тысяч километров, лежащих на пути к берегам бушующих морей, некогда принадлежавших Империи. Не так далеко, в нескольких километрах, вечно горящие леса — жуткое наследие владыки крови, Симиэля; деревья в них источают запах серы, никогда не прекращают пылать и до сих пор содержат останки громадных ритуальных цепей, что некогда практически призвали в реальный мир манифестацию владыки крови. Среди этих вековых костров нередко обустроиваются еретики и беженцы. Под действием еретических знаков и мутировавших животных, пропащие души становятся частью ужасающего леса и нападают на обозы с продовольствием, мирные караваны и даже отряды Чтецов.

Немногим дальше начинаются джунгли, укрывшие собой значительную часть восточной территории берега; дремучие, влажные и вязкие, в них войну вести практически невозможно. Обычный огонь всегда гаснет под нескончаемыми дождями. Природа льет слезы в течение целого года. Порой, после великих сражений или во время демонических нашествий, ливни окрашивают свои капли в броско-алый или черный цвета. В глубинах темных, многоярусных деревьев скрываются деревни, построенные над болотистыми разливами и выводками кровожадных тварей, в своей силе и ярости подобные львам или грифонам. И как последняя надежда Чтецов в регионе вечных ливней, над пустующими лагерями и полными опасностей тропическими лесами ярко горит сигнальными огнями Крепость Гибельных топей, чьи могучие черные стяги Чтецов развеваются над джунглями. Центр нынешнего командования полка Истин и последний оплот на территории голодных джунглей, откуда их постоянными нападками стараются выбить партизанские отряды южан и зараженные ересью животные, люди и даже растения.

Западнее, ближе к берегу, раскинулись карьеры искупления. Возможно, наиболее удивительное место сражений, ибо неважно, под чьей властью находятся древние заставы надсмотрщиков и стражей, работы в шахтах продолжаются всегда. Туда свозят тысячи рабов как Империя, так и Юг. Где-то в глубине, вслед за бесконечно тянущимися огнями рудников, стоит самый передовой аванпост Полка Истин, выстроенный костями побежденных южан. Собор последней битвы. Крепость расположилась на горах, сотканная из демонического обсидиана — порочного камня, оставшегося там со времен великой ереси, когда в кузнях карьеров создавались демонические слуги. Именно там, в черной точке на бесконечном горизонте, сшитом из разоренных сел, горящих городов и текущих рек, Лизастрия видит свое единственное предназначение. Острые копыта, направленного в горло южным захватчиком, регион столь важный...

что потеря его значилась бы величайшим поражением в истории Чтецов. Но ее мысли прерывает залиvistый кашель Кендерика, что отвлекает на себя внимание. Покорно опустив голову, Невестка смерти поворачивается, становясь перед магистром на колени.

— Вставай, вставай... пора тебе кое-что узнать о моем полке, Лиз. Здесь собраны не послушные псы, не самоубийцы и не религиозные фанатики. Больше всего на свете я ненавижу пресмыкающихся червей. Тех, кто не готов бросить вызов, кто не способен доказать, чего он стоит в глазах того, кто якобы лучше, чем он! — Очередной кашель и несколько капель крови, смешанных с мокротой, вылетают из глотки магистра. Огонь в зрачках Кендерика разгорается все ярче с каждым словом, кажется, что дефект тела его не пугает. — Ты одна из нас, Лиз... я уже вижу это. Ты не признаешь власти, не веришь Близнецам. Не отнекивайся... Боги жестоки и самовольны. Их стоит уважать, можно бояться, но верить? Никогда... твоя жажда знаний, истины, силы, это трогает мою душу, как ничто иное в этом мире. Цель всегда оправдывает средства... и поэтому я практически вырвал тебя у Мореха. Я вижу, чем ты можешь стать. Мной. Новым магистром нашего славного Полка. И первое правило... никогда не бойся говорить, спорить, бросать вызов и интересоваться. Это закон. Здесь равны все, от конюхов до первых центурионов и легатов.

— Да будет так, магистр. Я вижу, что вокруг меня слишком много незнакомого, множество вопросов и слов, которые я хочу сказать... И первое: кто вы на самом деле, Кендерик Маллеус? Этот облик не устрашает, но вас боятся как самой смерти. Почему?

— Мое тело... я не помню, как оно выглядело при смерти. Каждый десяток лет я меняю облик на случайный, который увидел среди гостей, рабов или воинов. Этот, например, принадлежал придворному колдуну одного еретического подонка, захватившего небольшой городок где-то на окраине владений Тревесья. Скажи, он просто очарователен? Что же сказать о Кендрике... я старше, чем наш нынешний владыка. Я старше, чем его отец... я видел прадеда Ланса... И все это время моя жизнь посвящена только одному — изысканиям. Любым видам науки во всей ее чудесной красоте. Я уже не уверен, жил ли я когда-нибудь иначе. Считаю, что я мозги всего ордена. А также один из тех, кто знает секрет создания доспеха души. Разумеется, помимо семейства Лессеров. Более того, я лично разрабатывал часть заклинания. Самую важную часть... которая отделяет душу и дробит ее на части. Моя жизнь есть бесконечное служение... но не богам, не Императору и не Империи, даже не Госпоже Смерти. Я посвятил себя лишь одному — науке и истинным знаниям, которые извлекаю из всего, что вижу вокруг.

— Тогда почему вы считаете, что я стану заменой? Вы жили веками, что же может угрожать вашему покою сейчас?

— Как бы это ни было удивительно, но смерть. Обычная смерть. Мой мозг разлагается. Ему не помогают ни медицина, ни магия, ни медитация. Я боюсь утратить остроту мысли и чистоту разума. А безумный маг, что стоял у начала, как мы считали, бессмертия... не должен ходить по земле. Морех знает, он готов убить меня... в случае если я того потребую. И именно ты должна будешь занять мое место. Разумеется, если я не ошибся. Но это бывает слишком редко.

— И почему же я достойна этого?

— Не скромничай, Лиз... ты чистый проводник силы троп. Пустая оболочка которая способна вбирать в себя силы куда больше, чем иные. При правильном развитии ты станешь могущественнее, чем я... у меня всегда был этот бессмысленный атавизм — душа. — Кендерик вздыхает, закатывает глаза и тычет себя в неопределенное место груди. В тоже время, вторая рука, словно сама по себе, принимается заваривать чай, в мгновение ока доводя воду до кипения и погружая в чашку россыпь листьев. — Она мешает мне впитывать силу изнанки полностью, но без неё я бы давно пал жертвой своих амбиций. Ты лишена этого изъяна, мне на зависть, и поскольку с рождения такая, какая есть... научилась жить, не лишенной совести и раскаяния.

— Тогда в чем же моя цель? Какая первая миссия, чтобы доказать, чего я достойна?

— Это не все... стоит отметить, что отношения с множеством других служителей Их у нас весьма натянутые. Еще и этот новомодный орден Клеймящих! Еще бы вернули инквизицию, будто мало нам было вездесущих, постоянно вынюхивающих наши секреты членов Слепого Дозора! Теперь еще этот молокосос Шевардье Хисер требует отчетности, рапортов! От меня, от Кендерика Маллеуса, шавка которой нет и сотни лет, требует рапортов! — Магистр заливается новой порцией кровавого кашля и быстро делает несколько глотков чая. На мгновение старик затихает и рассматривает листья в кружке. Взгляд на мгновение вспыхивает огоньками веселья, улыбка разрезает округлое лицо пополам. — Кхм-кхм... кажется, это был чай авгуров Марии... Иначе не понимаю, почему листья говорят мне, что завтра будет хорошая погода. Вернемся к теме: по мере наших исследований ты будешь сталкиваться с вещами и предметами, которые ни в коем случае не должны попасть в руки столичных бестолочей. В противном случае, нам еще долго будут мылить шею и надеяться сжечь на кострах. Меня самого приговаривали к сожжению, если память не подводит, свыше шестидесяти раз. Поверь... тебе этого тоже не избежать.

— Могу я узнать, что за дева была во главе Калистиан? И почему вы... избегали встречи с ней?

— Избегал? Я искренне боюсь нашу добросердечную владычицу калисток — жриц войны и по-совместительству непрошедших испытания Невесток смерти. Почему-то, она всегда порезать меня своим трижды проклятым ножичком...

— ...Может, поведаете чуть больше, магистр? Вы ничуть не утолили моего любопытства.

— Это Карис. Избранница Смерти... молода и жестока. Ей нет и пятидесяти лет... Пропшую Владычицу убила в возрасте четырнадцати зим. Из ее хребта, ведомая волей госпожи Смерти, сотворила свой отвратительный клинок... Душегуб. Ее задача и роль неизвестны, ее ведет голос нашей Матери. По обыкновению причастие совершают местные жрицы, но, как я полагаю, Госпожа желала лично узреть тебя через очи Архикалистки.

— А ее свита? Я почувствовала странную синхронность...

— Это ее... кхм, дочери. Что случилось с мужчинами, от которых они появились, лучше не знать. Впрочем, о Карис лучше вообще не знать ничего лишнего. Это чревато даже магистрам. Мне она как-то отсекала часть кристалла. — Кендерик, продолжает попивать чай, мизинцем указывая на расколотый ошейник. После чего параноидально оглядывается. — С Карис лучше смириться и лишний раз не думать о том, что оно вообще такое. Благо архикалистка не так часто покидает поле боя, а ее фронт далек от наших забот.

— Поведение Тревесья тоже показалось мне несколько странным... но куда больше меня интересует его телосложение. Мне ведь не показалось, что у Претора Агонии... Волчьи окровавленные клыки? — Вечно окрашенные алым цветом резцы в Империи означали принадлежность к великому роду Вир. Или одержимость демоном.

— Метка крови, все верно. Полк Агонии долгое время набирался из нерадивых детей знатных родов Севера... Детей, пораженных проклятием чудовищной крови. Практически все легаты, что остались со времен ереси, обладают чертами тотемных животных своих благородных домов. А сам Тревесья — прямой наследник Эдварда Вира, новую фамилию ему даровали уже в ордене.

— Не удивительно, что меня он жаждет убить. Коренс рассказывал о том, насколько презрительно относятся к лериям на Севере. Особенно после ереси...

— Великая трагедия четырех северных легионов. Бастионы северной стали, так они звали себя в те древние времена. Седьмой, пятнадцатый, девятый и третий. Во время великой бойни при Кальдесе, когда третий и девятый легионы изменили клятвам, все стало предрешиено. Седьмые — Чтецы о вьюгах — были уничтожены полностью, пятнадцатый — Ревнителю льда — отступили с ужасающими потерями. Из нескольких сотен тысяч с силами Империи

вышли на контакт всего десять сотен бойцов. И во главе их шел Тревесья, лишенный кусков тела и собственного глаза. Предателей третьего вела в бой легат-лерия Жаркада Ле Силия, девятым повелевал Понтифик Кадартас. Ныне возведенный своим владыкой в ранг верховного душегуба Уиртмэля. С того момента полк Агонии навсегда держит своих понтификов и легатов-лерий в стальной хватке. Сам Тревесья отчаянно ведет охоту за двумя предателями уже без малого век. Раны, что извращенные братья оставили на теле тех земель, никогда не заживут в сердцах легионеров Агонии и северных лордов, что правят там из века в век.

— Вы не рассказали, кем стала Жаркада. Она еще жива?

— Жива, если то можно назвать жизнью. Безумня еретичка заковала себя в глыбу льда, очерченную символами самой Истерис... Империя пыталась уничтожить ее в течении десятилетий непрерывных работ. Но все, кто контактировал с ледяной оболочкой, умирали в следующие недели. Тревесья верит, что душа Жаркады прячется на тропях. Где ее еще можно уничтожить. Хм... эта история мне кое-что напомнила. Думаю, я знаю, какую задачу дать в качестве первого испытания...

Хитрый взгляд Кендерика бежит по огромным пространствам. Он словно проводит линии и соединяет разные точки воедино, рисуя причудливые карты. Секунда, другая, зрочки останавливаются на пылающих лесах, которые опаляют взгляд режущими языками пламени и резким запахом серы. Мгновение, улыбка и тихий смешок, перерастающий в настоящий гогот.

Лизастрия все понимает в мгновение ока. Ни помощи, ни оружия, только она и горящие леса, в которых сокрыт источник этого пламени... трофеи былых экспедиций и, главное, демонические цепи, терзающие землю несколько десятилетий. Коротко кивая, не говоря ни слова, девушка разворачивается и тянется к ручке двери, напоследок остановленная голосом старца.

— Будь так добра... принеси мне часть цепи и, по возможности, кусок плоти того, кто скрывается в огне. Думаю, если все получится, то ты обзаведешься весьма интересным оружием... достойным твоей работы. А в остальном, твоя цель — все, что может представить интерес, рукописи, обрывки дневников, артефакты, еретически записи. Ты меня поняла. Я хочу увидеть, правдиво ли твое любопытство и что именно ты спасешь из этих горящих пустошей.

— Будет исполнено, магистр. Жатва еретиков, демонов и отродий троп во имя Их будет достойным развлечением... а знания послужат всей Империи. Ибо такова воля Их.

— И таков непреложный закон Госпожи Смерти. Ступай, дитя, три ночи — твой срок... дальше, увы, мне придется спускаться, чтобы найти твой труп. А вместе с тем потеряется весь шарм... Впрочем, если я найду тебя живой и с достойной добычей, то это докажет возможность выживать в серных источниках этого места. Зайди к квартирмейстеру, он выдаст тебе сумки, зачарованные выдерживать огонь. Возьми как можно больше, мы потеряли там не один отряд... материала должно быть достаточно.

Глава 3

Рукописи... всегда нужно вести рукописи. Память скоротечна, воспоминания ненадежны и размываются эмоциями, которые подчиняют себе чистоту разума. Нет беспристрастия, нет истины, нет знаний. Смерть таится на каждом шагу. Смерть скрыта в тенях деревьев, в зрачках предателей и еретиков. Смерть препятствует истинам... и их сохранению. Больше всего опасностей поджидают лерий. Когти тварей, пришедших с троп, готовы врезаться в их свежую плоть каждую секунду естества. Демоны норовят сорвать ее с костей, подчинить себе душу и предать тело гибели в бессвязном пространстве путей. Их взгляды чувствуются в тенях и складках реальности. Их ненависть таится в грозах и бурях. Их шепот совращает мысли... во время слабости и праздненства. Во время горечи и гордыне. Лишь в покое Матери они не способны найти возможность выпотрошить разум лерии. Пусть Невестка не помнит своего прошлого, пусть ей не известно, чем Лизастрия Рихтер была до своей смерти... Это не имеет значения. Больше она не позволит никому отнять свою память. Она не отдаст на суд небытия истины, которые знала, и опыт, что по крупицам собирала всю свою недолгую жизнь. Доспех не смог вернуть покой. Даже облаченная в величайший дар госпожи Смерти, неся за спиной плащ, пропитанный кровью демонов и украшенный песнями Ее госпожи, Лизастрию не покидает параноидальная мысль быть изгнанной из братства. Ей неопыльны мысли об одиночестве и смерти. Только не так... не бесславно. Долг будет исполнен. Любой ценой. Непреложный завет горит в душе ярким пламенем света.

Ее гордость не дает спросить о своем недуге у Кендерика. Гордость... и осознание того, что это может стать концом ее новой, едва начавшейся жизни. Рукописи позволят ей сохранить память. Ее железный том... она не получила его, как и другие вещи связанные с ее прошлым. Нет ни оружия, ни одежд... Завет госпожи Смерти жесток, но он не лишает своих слуг инструментов для осуществления Ее воли... Значит, что-то случилось, нечто в прошлой жизни отобрало все, чем она была. Но больше этого не повторится, больше никто не лишит ее собственной жизни, никто не посягнет на ее разум! Воспоминания просачиваются сквозь пелену забвения... Иногда она видит образы и тонкие нити, что ткут прошлое. Рукописные тексты, быть может, помогут ускорить процесс, напомнив разуму, что такое — хранить знания.

Вечно горящие леса... следующее утро встречает ее заревом пожаров и стуком. По латам бьет тяжелый град. Кусочки черного льда осыпаются с погасших небес как листья. Внутри ледышек расплзаются кровавые отеки и ошметки свежей плоти. Остановившись за холмом, девушка раскрывает толстый переплет кожаного дневника, с чистой белизной листов. Ее пальцы замирают на первой странице и несколько секунд, Невестка словно пребывает в транс. Ее второе рождение, новая жизнь... экспедиция и сразу в самые глубины пылающего ада. Неужели она правда достойна? Неужели это ей под силам... И насколько обширна ее власть, раз Кендерик даже не выдал оружие? Она не помнит... не помнит как убивала прежде. Но ее тело знает, ее тело справится. Внутри головы лишь нескончаемые отрывки случайных вспышек. Крики людей, плавящаяся плоть... и кровавые сполохи. Они острее самых тонких и искусно выкованных лезвий. Тихий вздох, волна беспокойства и жажда действий, все переплетается воедино и стихает под медленной, тягучей молитвой.

— Мать Смерть даруй милость свою, как я даровала тебе жизнь свою, как вложила помыслы свои в руки твои, как сердце мое навек в твоей власти.

— Мать Смерть, коснись души моей, отведя сомнения, как я коснулась даров твоих, не убоившись гибели, как я взглянула на тебя, не убоившись ужаса, как я молила тебе, не боясь гнева.

— Матерь Смерть, возьми меня в объятия свои, ибо я есть оружие твое и дочь твоя, несущая гибель во славу твою, ибо я есть Ты, лишь на земле воплощенная, ибо я есть Смерть.

— Матерь Смерть, убереги от забвения и страха душу мою, как уберегаешь ты Империю нашу, и Господ наших на Небесах, ибо чисты помыслы мои, ибо нет порчи во мне, ибо чиста я пред тобой и пред Ними.

— Матерь Смерть, взгляни на меня, ибо долг я несу пред тобой, ибо исполнен будет долг мой, ибо Твой Завет непреложен... И свят. Свят, как любовь твоя, свят... Как лезвие мое, несущее гибель нечистым.

И более не пламя не обжигает кожу ее, блестящую словно чешуя. И в ужасе сомкнули оки твари, что теплились в тенях. Ибо откликнулась госпожа Смерти, ибо коснулась ее, наделив волей мертвецов. И лишь собственный порок возникает в сознании. Неправильная... Даже сейчас. Солнечный свет... Мгновения, что когда-то были годами, проносятся перед взором. *Неправильная.* Ужасная боль сотрясает руки и спину, ибо солнце несет ей только агонию, ибо сломана она Ими... И не может находиться под Солнцем, Ими созданным. Поднимая взгляд на небеса, Лизастрия ломано улыбается. Солнце скрыто за мрачными, задымленными тучами, тело плотно скрыто под броней... Маска пока не нужна. Но вскоре ей вновь предстоит прятать лик под сталью, опасаясь гибели от творения Их. Опуская взгляд, девушка стыдливо корчится, практически испытывая омерзение. Она вырывает страницу, на которой покоятся следы ее тяжелых слез, невольно павших на бумагу. Обратившись к своим силам, Невестка изящно рисует глазами простенький набросок леса. Красками выступают уголь и серый пепел. Невестке не нужны руки, чтобы чертить, не нужны инструменты. Образы из мыслей переносятся на бумагу и оседают тем, что желает видеть лерия. Еще мгновение. Кожа кровоточит, подчиняясь ее мыслям. Струйка алой краски бросает на бумагу россыпь огней. Она стекает подобно пламенным полотнам, которые текут по облезлым деревьям из стали. Кровотокающий треск и визжащие звуки раз за разом повторяются в ее сознании. Она направляет их на листы бумаги. Музыка отпечатывается на них изрешеченными светом меди тенями, которые движутся из стороны в сторону среди деревьев. Между проклятых зарослей она видит зрочки ужасающих тварей. Искаженные явления троп взирают на нее из глубины черных клубов. Их образы возникают на наброске, практически сливаясь воедино со стволами деревьев. Глаза продолжают рисовать... сотни следов, недавняя группа паломников. Интересно, выжил ли хоть кто-нибудь? Она не знает... Прелат... его пламя вздымается на рисунке растаявшей дымкой и нечеткой фигурой. Она светит мрачным золотым светом. Рисунок почти завершен, глаза останавливаются на небе: быстрые движения, все небо черное, лишь редкие серые облака приглядывают за ней из-за огромных туч серы и пепла. Готово, это место надежно отпечатано в памяти... И крики агонии, и твари среди деревьев, и фигура из золота. Все это есть в ее сознании, все это есть в ее дневнике. Руки аккуратно закрывают книгу. Пока что достаточно... Остальное она допишет, если найдет что-нибудь, или кого-нибудь. Ей не важны награды и благодарности. Паломники слуги — Их, но взявшие на свои плечи непосильную ношу. Вряд ли кто-то из них действительно смог уцелеть, но, возможно... ей удастся спасти хоть одну святую душу, погибшую в благодатной войне с лордами демонов. А если и нет, то наверняка остались их записи, которые могут помочь Чтецу обнаружить источник пламени и уничтожить его. А кровь их расскажет, что ждет ее дальше. Книга в последний раз манит взгляд, словно хочет впитать мысли девушки еще раз, но вскоре она скрывается в глубине одной из многих сумок. Отсутствие меча на поясе и баклера на предплечье смущает Лизастрию. Идти слишком легко, но обычные оружия лопнули бы от ее силы прежде, чем та успела бы сделать хотя бы взмах. Ей льстит, что Кендерик обещал использовать для ее нового клинка найденные предметы. Владеть оружием, что выковал некто столь могущественный... Великая честь и награда. Девушка медленно поднимается с земли, готовая выступить, но на мгновение переводит взгляд назад, где гордо воз-

вышаются скалистые горы и святой собор... позади вся забытая в смерти жизнь. Как странно... И тяжело. Там нечто, что ей не хотелось забывать. Что-то важное... что отняли, что отобрали у нее без согласия и боя. Но долг важнее, она не может отвлекаться, пока ее предназначение не исполнено. Долг есть ее единственная цель, а исполнение долга — предназначение. Исполнение долга любой ценой. Отворачиваясь от дороги, девушка ускоряет шаг. Она очерчивает себя святым знаменем и устремляется вглубь огненных земель. В сердце Лизастрия укромно таит веру в мать Смерть и приказ. Он трещит в голове, не стихая. Ей это под силу... И всякий, кто попробует опровергнуть это, падет. Именем смерти, долг будет исполнен... Любой ценой.

Шаг, шаг вглубь пламени. Шаг в неизвестность. Она должна была сопротивляться ей, но бездонная глотка пламени расступается перед тяжелыми шагами. Волнующе... доспехи Невестки начинают покрываться рябью пыли. Она поражена силой троп и ребристыми узорами прилипает к металлу. Языки пламени лижут черную, ледяную сталь, испуская к небесам потоки белого пара. Он приятно красит черное небо над головой. Кажется, будто огня вокруг просто нет. Только лицо Лизастрии приятно щиплет от серного запаха. Он же приятно дерет мягкую плоть губ, раскрывая небольшие порезы. Сильный приток крови к голове отражается гулкими ударами. Но это ничто, пред той болью, которую Лизастрия ждала. Святой дар матери Смерти? Может зачарование брони или просто искусство выдержки? Мысли о природе ее защиты приятно скрашивают одиночество и расслабляют напряженный разум. Шаг, шаг Невестки уверенный и статный. Ей не удастся идти никак иначе, кроме как маршем. Что-то толкает вперед, что-то в душе возносится высоко, жажда боя и славы. Голод по истинам вынуждает ее идти на одну глупость за другой: пальцы бесстрашно касаются стальных веток деревьев, срывают с них матовые листья, которые порой загораются в руках. Кровавые вспышки среди деревьев освещают тела искаженных зверей. Они отступают вглубь лесов, агрессивно клацая мутировавшими зубьями и истекая ржавой кровью. Если бы не желание отыскать паломников, Лизастрия бы непременно устроила себе охоту. Но что-то внутри нее подсказывает, есть живые, есть те, кого нужно спасти во имя Их, ибо мать Смерти не прошептала их имен. Образ золотистого силуэта вновь и вновь вздымается в памяти. Он еще не погиб. И он что-то знает.

Перед ее взглядом чудесное зрелище плясок разнообразного пламени. Вот черный, вот оранжевый, вот багряно-красный... что-то должно различать их, что-то должно дать ответ, откуда же здесь этот вечный пожар... Но пока что, у Чтеца одна единственная цель — найти останки паломников, чьи следы практически неразличимы под новым слоем опавших и уже сгоревших листьев. По мере пути, внутри Лизастрии все сильнее нарастает чувство беспокойства. Зверье что встречало ее исчезло. Огонь медленно перетекает в черное пламя, неприятно отражаясь в зрачках зернистым месивом, потрескивание огня становится похожим на причудливый музыкальный ритм, что вгрызается в сознание куда худшим противником, чем жар окружающей среды. Это неправильное пение... словно нечто коверкает священные гимны, извращает все, кроме тембра и мелодии. Шаги становятся делать все сложнее, тело грубо ломит от внезапной усталости. В это же время кожа Невестки покрылась еле заметными кровавыми выделениями. Они стекают по истощенному телу и обжигают, словно раскаленный металл. Недолго думая, Невестка вновь озаряет себя святым знаменем и громкими словами молитвенной песни, разгоняя не только пламя, но и собственные мысли. Боль это не умаляет, как не спасает и от усталости, но на мгновение, вспышка света заново освещает окружающие деревья, только по-новому, избегая пепла и сажи. И теперь девушка видит в них искаженные тени, кривые и уродливые. Они следят за каждым ее шагом. А за тенями — отступающие образы призраков в пепельных балахонах, чьи искаженные в вечной агонии рты захлебываются медной кровью. Следы паломников исчезают окончательно, теряясь среди тропинок. Нет ни бойни, ни других признаков присутствия здесь отряда. Даже после нескольких попыток разворошить пепел, Лизастрии не удалось найти никаких подсказок. Все, что в итоге попало ей на глаза —

несколько тлеющих повязок с символами Мириана, Ангела Крови, левого Крыла Империи, и сколотое лезвие дешевого палаша. Того самого, что был в руках у прелата. Странный осколок незамедлительно оказывается в руках Лизастрии. От него исходит странное тепло и легкий, золотой отблеск. Примерно отметив для себя себе угол скола, Лизастрия без удивления для себя шепчет молитву. Скол был вызван ударом о демоническую шкуру. Она близка к цели. Отбрасывая в сторону сталь, которая плавится в ее пальцах, Невестка убирает в одну из сумок остатки акафистов, предварительно бережно разгладив льняную ткань. Святые реликвии не должны быть опорочены... они еще могут пригодиться ей, или кому-нибудь из выживших. Но веры в то, что встречу с демоном пережил хоть кто-нибудь, уже нет.

Ускорив шаг, Лизастрия оказывается на просторной поляне. Среди пепла и брошенных на земле ржавых оружия, видны несколько еда различных следов. Поднимая взгляд выше, ей видится громадное дерево, сильно отличное от других... Оно грубо сформировано из живой плоти, его кора не горит и не тлеет, но источает ужасающий смрад гниения и смерти. Не благословенной Смерти ее Матери и Госпожи, а смерти нечестивой и порочной. *Смерти во имя Крови*. Длинные ростки из связок и мускул свисают с крючковатых, костлявых ветвей, сотканных из пульсирующего мяса и словно вылепленных чьим-то заботливым бдением. Создатель приложил немало усилий, формируя среди мяса узоры и слова, символы Симиэля и пентаграммы, выжженные на особенно мясистых кусках. На некоторых ветвях насажены свежие трупы паломников в грязных, разорванных рясах. Из их глазниц вытекают широко распахнутые очи, тела постепенно сливаются с плотью дерева воедино, растянувшись на словно знамена. Растение... или ритуальный алтарь? Песнь вокруг него пестрит скрежетом стали и воем столь диким, что из ушей девушки начинает струиться кровь. Оно питается мертвыми телами. Оно впитывает в себя кровь и оставляет лишь пустые оболочки, что реют как знамена на заставах. Плечи девушки вздрагивают от отвращения и невольно, Невестка делает шаг вперед. В сознании мелькает жалость к служителям, что стали удобрениями для мерзкого еретического колдовства. Высоко над ветвями наполняется свежей людской кровью сосуд из каленого, покрытого копотью стекла, с древними имперскими словами, высеченными на нем с помощью остервенелых ударов когтистых лап. Нечто похожее Лизастрия уже видела в прошлой жизни, но только никак не может вспомнить где... Одна только боль в ребрах твердит ей, что воспоминания не ложь или выдумка. Где-то в своей прошлой жизни... Ей доводилось бороться со слугами Кровавого Владыки, и бой тот был далеко не самым простым. Среди вырванных из-под земли корней лежит, источая ауру гневливого безумия, громадная цепь из алого металла. Одно звено по своему росту превосходит взрослого человека, а мелкие выемки на стали могут сойти за жертвенные ячейки для детей, столь странными кажутся их формы. Нет, *немогут*, это они и есть. Воспоминания прорезаются и воскрешают былое... Чаши. Ритуальные чаши призывов. И сотни умерщвленных тел. Тот бой она проиграла... Ее спасли от гнева Мясника. Но чаши запомнились ей обилием вырванных грудных клеток и выпотрошенных тел, вплетенных в еще не закаленные пламенем цепи. *Реваниш*... Вот единственное, что мелькает в сознании — жажда мести Владыке Войны за уродство ее тела и пережитый стыд поражения. Больше этого не повторится. Перед деревом, на коленях, пошатываясь то вправо, то влево, стоит ободранный до костей прелат, вдохновенно напевающий молитвы. Но слова его тонут в отвратительном гуле. В воздухе раздается совсем иное... жертвенная песня, зовущая великое зло. Лизастрия сдерживается, чтобы не вырвать ему сердце, пока он еще не стал великим демоном. Буря воспоминаний того злополучного дня витает вокруг. Рука поднимается, с губ практически срываются слова заклинания. Резко, холодная воля ее госпожи прерывает проклятье. Удушливый холод ползет по сознанию и заставляет опустить руку. Мать уняла боль поражения и жажду мести, стылыми пальцами вцепившись к горло и оставив на нем свои метки. "Он может знать, что случилось". — Шепчет ей разум... И ведь мужчина не похож на еретика, его песнь правильна,

слова коверкают тени вокруг. Смерть не жаждет его в свои объятия. Невестке не позволено перечить Ее воле. Лизастрия делает осторожные шаги и медленно стягивает к себе частички не запятнанной скверной магии, после чего стремительным рывком оказывается прямо подле безумного священника, одергивая его за плечо.

— Ловушка... они позади, сестра... Они везде.

Мгновение, и девушка откатывается в сторону, слушаясь его совета. Ее пальцы ставят искрящийся щит из демонической крови и потрескивающей магии. Тропы вокруг разорваны и кровоточат. Лизастрия чувствует прилив сил из их открытых ран, они находят покой в ее пустой душе. Бордово-фиолетовый барьер переливается сотнями отраженных снов и видений, пылающими языками пламени и эхом великой бойни, учиненной здесь веками назад. Невестка черпает силы из порченной крови, стараясь очистить ее прежде, чем она осквернит ее душу. Тени отслаиваются от деревьев и притягивая к себе пепел сливаются воедино с пламенем. На поляне одно за другим появляются странные существа, о которых раньше ей слышать не доводилось: извивающиеся пепельные призраки, облаченные в рясы священников; на некоторых — осколки брони Чтецов. Они свисают на ужасно истонченных, переломанных костях, которые почернели и, кажется, стали металлическими; и обычные накидки путников. Их тело... если то было телом, раскрыто по груди словно топором. Туловище, выпотрошенное и тщательно изогнутое в подобие листьев, сегментировано и способно крутиться вокруг самого себя. Некоторые из теней передвигаются словно змеи, иные пытаются пародировать человеческий шаг. Скелет демонов полностью очищен от мяса. Поверить в то, что внутри есть жизнь, кажется невозможным. Но Чтец чувствует биение разума внутри оболочек. Далекое и уставшее от агонии биение сердца. Вечно разинутая в крике пасть трясется и клацает из-за постоянного движения огня и пепла. Косточки челюсти бьются друг о друга, высекая пурпурные искры. Из ртов призрачных Чтецов, и почему-то только их, течет ржавчина. Где-то внутри их выгнутых хребтов по тонким струйкам вен, словно раскаленная магма, движется чистая кровь. Но при дерзкой попытке взяться за нее и подчинить себе... руки Лизастрии сводит в ужасной конвульсии. Разум встречается с психической стеной столь огромной силы, что девушка отшатывается назад, держась за голову. Ее щит трещит по частям и крошится, спадая с пальцев черной кровью. Ситуация становится хуже с каждой секундой. Призраки, изнуренными тенями, выплывают со всех сторон. Их сущности плюются в сторону Чтеца вспышками синего пламени и сливаются с мрачным пеплом, возникая все ближе и ближе. Скоро Лизастрия окажется в окружении, откуда бежать будет некуда. И все ее силы бесполезны против бестелесных призраков, питающихся пламенем: ни кровь не способна потушить этот пожар, ни ее воля не может нащупать в узких зрачках созданий той частички разума, которую можно было бы сломать. Но страха нет. Долг должен быть исполнен. Странное чувство наполняет ее тело: вместо паники — ледяное спокойное, вместо нервного дыхания, стука сердца и бурления крови — холодный расчет и до боли сжавшиеся зубы. Мрачная решимость исполнить приказ не позволяет пасть, даже когда первые из тварей атакуют ее вплотную. Милость матери Смерти и годы тренировок готовили ее к этому. Месть Владыке свершится, раны не забыты. Ничто не забыто.

Удар. Когти, сотворенные словно из воздуха, разрезают пространство в паре сантиметров от ее лица. Вторая тварь намеревается вырвать Чтецу сердце и атакует со спины, растопырив свои когти. Невестка уклоняется, заскользив по пеплу вправо. Оставшись твердо стоять на ногах, девушка быстрым движением чертит вокруг себя ритуальную звезду, состоящую из четырех простейших линий. Вспышка белого света и больше ничего... Нельзя тратить силы на защиту. Она не спасет. Но ненадолго яркий свет отпугивает ближайших врагов. Много времени выиграть не удастся. Призраки не станут вечно бояться линий вычечренных на земле. Кто-то рискнет и сделает шаг. И тогда обман рухнет в мгновении ока. В сознании возникают и

погибают разнообразные варианты: они не испытывают страха, не ощущают боли, не мыслят... нечего ломать, нечего пытаться, нечего уничтожать, они — *ничто*. Но должен же быть способ уничтожить эту вздымающуюся бурю из пламени и серы... Взор вновь возвращается к редким венам, что исписали изогнутый гроб призраков словно стены монастырей. Кровь течет, значит, они живые. Кровь защищена, значит, она кому-то принадлежит... ради чего? И почему она не может взять ее под свою власть!? Гнев от собственной слабости накаляет мысли до предела. Руки сжимаются в кулаки. Они покорятся ей! Теперь эта была клятва, вырезанная на сердце, тварь падет... и вместе с ней все ее слуги.

— Повсюду... повсюду тебя...

Задумавшись, Невестка не замечает, как за спиной возникают еще четверо демонов... Из их уст текут перепетые молитвы. Кровь. Кровь о которой они поют вытекает из давно заживших ран. Но не Ангел Возмездия властен над ней, а Владыка Террора. Слуги высшего демона, бывшие паломники... теперь воспевают тщеславное создание, пришедшее с троп. Какая... отвратительная, бесславная гибель достойных мужей и дев. О, как же она будет упиваться его болью, как насладится смертью высшего демона в миг, когда узрит страх в зрачках твари троп! Кровь... она течет для него, он питается страданиями, подпитывает пламя и пепел своих пленников и слуг. Но что, если раздуть огонь еще сильнее? Никто, верно, не пробовал, но ведь оболочка хрупка, а сера способна взорваться. Вот оно, просто... Удар прерывает поток мыслей. Сразу шесть когтистых лап, возникших со всех направлений, врезаются в броню. От некоторых ей удастся уклониться, но еще четверо уверенно цепляются за наплечники и руки. Их когти пытаются вспороть черную сталь и расплавить ее своим извивающимся, пламенным дыханием. Конус из синеватого огня и серного запаха бьет четко в лицо, сжигает кожу. Девушка успевает сохранить частички пламени и лечит раны, хрипло вздыхая от боли. Ее губы взрываются кровавым фонтаном. На лбу воспламеняется кожа. Пламя чертит на ней свои причудливые узоры. Невестка вскидывает по направлению тварей левую руку, ее воля вырывает из глаз и рта призраков пламя. Ладони Невестки разгораются словно кострища. Она направляет пламя обратно, вливая его в опустошенные оболочки. Тела трех ближайших демонов раздуваются, подобно обуху кузнеца. В мгновение ока происходит взрыв. Столь чудесный... что Лизастрия с трудом отводит от него свой взгляд. Похожие на переливающие синевой и тьмой шарики, демоны перед ней раздуваются изнутри. Вены призраков искрятся и выступают на тонкой, как бумага, коже. Плоть почти незаметна в пляске огней. В следующие секунды пепел меняет свой цвет. Кровь и ржавчина сгорают и опадают с оболочек. Хватаясь когтями за воздух, демоны разрываются на мелкие кусочки, оседая на земле остатками одежд и проклятой кровью, повсюду разбрызгивая раскаленный металл. Взгляды призраков устремляются на Лизастрию, словно не веря в произошедшее. В глазах некоторых пробуждается нечто иное — не служение, а надежда, вера в избавление. Бросаясь прямо ей в руки, твари одна за другой начинают изрыгать пламя, впоследствии взрываясь от воли Чтеца. Но большинство призраков спокойно отступают обратно, сливаясь с пеплом и, шурша, растворяются в глубине вечно горящих деревьев. Взрывая последнюю тварь, девушка бегло осматривает тлеющие на земле мантии прежде чем вернуться к лежащему лицом в землю прелату. Служитель культа безумно напекает молитвы, практически смеется, и барахтается, стараясь подняться самостоятельно. Ничего интересного среди призраков девушке найти не удастся. Все, что было с ними, либо расплавилось, либо не представляет интереса. Отходя от останков, Невестка оказывается над мужчиной, раздумывая, что делать с ним дальше.

— Да хранит тебя Сивилл, сестра моя... позволь... назваться... Митей Кат, прелат церкви змия своей деревни...

Не обращая внимания на причитания мужчины, Лизастрия резким движением переворачивает его на спину и бегло осматривает тело. В центре груди и практически до самого паха красуется кровоточащая рана, челюсть разбита и разорвана остервенелыми ударами. Лишь чудом у прелата вообще сохранилась возможность говорить. Тем более в таком ровном темпе. Посередине горла стоит странная печать, похожая на изображение горнила. Вспомнив о резкой боли, девушка проводит пальцами по лбу. Легкая струйка крови окрашивает перчатку. В отражении стали виднеется тот же символ. Лицо наполняется отвращением и гневом. Секунда — и кожа девушки вспыхивает. Святое пламя очищает тело от еретических знаков, заново создав кожу из рассеянной вокруг энергии крови и лопнувших демонов. Шероховатость на теле слегка раздражает ее, но это малая цена за избавление от участи быть *клейменной*. Вновь опустив глаза на прелата, девушка изучает его руки. Вены, изрезанные вдоль и поперек, практически вырваны из тела а связки оголены. В них загнаны мелкие сучья и грязь. Несколько акафистов, в насмешку над прелатом, спаяны с кожей, но текст на них заменен еретическим бредом. На мгновение лицо Лизастрии меняется. В нем появляется... уважение. "Такие попытки смог бы пережить далеко не каждый смертный, видят Близнецы, крепка его вера, и жизни он еще достоин" - Раздается ее в сознании либо шепот Госпожи Смерти, либо собственные мысли. Идея убить прелата и двинуться дальше стремительно тает. Сосредоточенно настроившись на песнь души, она зрит чистейшее золото веры. Надежды пламенной и такой наивной. В нем нет и следа скверны. Даже издевательства не оставили на фанатизме мужчины шрамов или тени сомнения. Слабости для него словно и вовсе не существует. Лизастрия направляет свою волю глубже и видит, что не предначертана его смерть на скрижалях души... и даже от таких ран прелат способен оправиться, если та окажет ему помощь. Отрываясь от созерцания иного плана и вновь оказавшись в реальности, девушка хватается за собственную музыку. Отрывая от самой себя части, Невестка начинает молитвой и кровью лечить раны мужчины, изменяя его плоть и творя новую. Проникая в глубинную причину его недугов, она из пламени ваяет новое мясо, восстанавливает связки, растягивает по телу кожу и вкладывает созданные частички органов на свои места. Молитва течет еще несколько минут, после чего Невестка завершает ее дрожащим вздохом чистой ненависти. Приложив руку к горлу мужчины, девушка вырывает проклятый символ местного демонического лорда. На его месте Невестка рисует шрам, похожий на пламя. Тропы вокруг тают на глазах... Резерв местности исчерпан окончательно, дальше ей придется действовать, исходя из собственного запаса сил. Но на душе... подобие радости, радости за спасение достойного.

— Тебе следует убраться отсюда... прелат, моей задачей не было ваше спасение, я лишь ищу здесь реликвии и записи. Ты здесь погибнешь, но твоя гибель Им еще не нужна.

— Я не воин, сестра... но мои молитвы спасли меня от верной смерти. Эти твари... я знаю, кому они служат. Я могу направить тебя. Более того, он увел вглубь часть моей паствы. Паствы которую я наставлял долгие годы, Я не могу оставить людей, которых привел сюда как на убой. Остальных архивраг Их превратил... ты видела, в кого. Даже если я погибну в бою, это будет моим искуплением за потерянные в пожарище моей ошибки души.

— Откуда ты можешь знать, кто именно правит этим местом?

— Мои предки жили здесь веками, покуда еретики не осквернили наши плодородные земли... мой прадед был одним из Чтецов о смерти, что примкнул к ереси. Но в последний миг он смог узреть, какое зло творит, и спасся от безумия, поразившего часть вашего славного ордена. Сорвав ритуал, он бежал и унес с собой записи того, что лежит в глубине здешних

лесов. Я знаю, что противостоит тебе. И даже наивно думал, что смогу одолеть тварь из ночных кошмаров. Я верил, что способен наконец искупить грехи нашей порченной крови. Горько признавать, что я ошибался, что недооценил врага, которого питают мощью сами демонические владыки. Нас разбили на первом же привале, как скот завели в ловушку и разорвали на части... он вырывал им языки и глаза, превращал живых... в тени из пепла, крови и пламени. — Голос Митея не дрожит, но Лизастрия чувствует почему. Кто-то дорогой его сердцу не был убит, не был обезображен. Поэтому прелат не сломался. Он верит не в себя, а в кого-то, кто важнее, чем он. — А меня... он запомнил нашу кровь. Заставил смотреть, как умирают те, кого я наставлял, а после показал, что будет с живыми. Но я не сдался, не продал ему душу вновь! Молился Им из последних сил. И они послали тебя, сестра. Когда тварь наконец наигралась, то оставила меня здесь, как приманку для путников... уверенная, что мои святые мольбы притянут к нему не один отряд торговцев или беженцев. Как приятно осознавать, что больше я не стану никому смертью.

— Я не ручаюсь за твою жизнь, прелат... и цель моя — не спасение твоей паствы. Но местный высший демон должен быть уничтожен, во имя Их и моей госпожи. Можешь идти со мной, но не надейся, что я буду жертвовать собой ради, возможно, уже падших под пытками людей. Я нашла средство против теней... но та сила, что поддерживает их в строю, она ужасает. Надеюсь, твой прадед знал, как уничтожить тварь, иначе бой может оказаться для нас непосильным.

— Не говори так, сестра! Они защищают слуг своих и придут на помощь в час нужды, дабы спасти наши души от дьявольских огней! Ибо таков закон Небес, воля Их!

В глазах мужчины сияет золото. В них же ярко горит золотое пламя костров, но свет не находит отражения в душе Лизастрии. Она не чувствует уверенности в благосклонности Ближенцев. Невестка столкнулась с той психической силой, которая не давала взять кровь под контроль. И она была ужасающе велика... больше, чем находится власти в ее пальцах, больше, чем она может использовать. И даже если девушка прибежит к подпитке из чистых троп, осушит все местные пути, чего прежде не делала прежде никогда, этого все равно будет недостаточно. Но откуда? Откуда высший демон вытягивает столько мощи? Здесь веками не идут сражения, единственные, кто питают его... пепельные духи и редкие караваны. Но устраивать охоту на тех, кто способен исчезать в сполохах пепла — занятие глупое и долгое. Иссушенный взгляд скользит вокруг, словно ищет ответ, но в итоге упирается в мясное дерево, непоколебимо стоящее позади. Что это? Алтарь, что питает его силы... и останки древнего ритуального круга? Может, дело в нем и подобных ему? Но сосуд пустует, стеклянная тара не заполнена даже на половину. В ее воспоминаниях потребовались ровно пятнадцать полностью заполненных сосудов, дабы призвать высшего демона. Здесь не было и толики той силы. Взгляд переносится на один из распластанных трупов — ветви начали медленно разрывать его тело на две части, вероятно, именно они и создают пепельных духов. Тогда, после уничтожения деревьев, порвется и связь... Резво поднимаясь с земли, Лизастрия разводит руки в разные стороны и стягивает к себе местную песнь. Когда вокруг звучит отвратительный треск, Невестка начинает медленно вникать в суть структуры древа. Она расплетает древние магические цепи и ломает защитные обереги ее предавших братьев. Вряд ли владыка самостоятельно поддерживает его рост и движения. Внутри должно быть нечто, что служит садовником древа. Лизастрия уверенно раздвигает толщу плоти и крови, врезается сознанием в плотные стяжки из связок. Осветив темный желоб светом очей, она видит глубоко внутри мяса кокон из плоти, где хранятся остатки тлеющего, разбухшего тела одного из Чтецов-еретиков. Существо уже давно потеряло человеческий облик. Лицо растекается от нестерпимого жара, оголяя черный, запекшийся череп.

Глаза взорвались в глазницах уже очень давно. Перчатки невредимы... доспех по-прежнему цел. Только булькающие звуки внутри дают понять, что там осталась его плоть, ставшая ужасной похлебкой из внутренностей, кожи и костей. В пальцах Чтеца лежит скованный ржавыми цепями том с переплетом из человеческой кожи. Разрывая связь, Лизастрия тихо рычит от праведного гнева, направляя вперед растопыренные пальцы. Раздается оглушительный возглас: "Стерпито!" и подобный грому удар. В центр дерева, пламенеющим лучом, искрящимся от праведной ярости и блестящей крови, Лизастрия устремляет свое могущество, раздвигая завалы мяса и связок. Запах жженой плоти приятно разбавляет жгучий аромат серы. За спиной раздается славящее Их песнопение Митея и задорный смех. Несколько секунд — и яркое, золотое пламя с вкраплением багровых лучей перекидывается на ветви, разрывает на части ствол дерева и обнажает древнюю могилу. Секунда — все растение с громким треском и хлопаньем обрушивается назад, распластавшись на земле горами плоти и истекая отвратительным соком. Филактерия с кровью разбивается на куски неподалеку от Лизастрии. Спустя несколько секунд, стекло исчезает в глумливом, гортанном смехе и вспышках огня. Оглянувшись, Лизастрия не успевает заметить чье-либо присутствие, но интуиция помнит чье-то мимолетное пришествие. Тела паломников срываются на землю, и прелат, складывая руки в символе змея, перекрестив кисти подле запястий и тем самым изображая две переплетенные змеиные головы, бросается вниз, принимаясь снимать с веток изуродованные трупы. "Чудесно", — думает Лизастрия, провожая его взглядом. — "Значит, он не будет томить меня глупыми вопросами и упрекать в использовании еретических записей. Одной проблемой меньше... пока что." — Быстрыми шагами Невестка подходит к останкам павшего брата и пренебрежительно вырывает книгу из его рук, нечаянно вырвав часть лат. Из пустующей брони выливается буро-оранжевая жижа с оттенком ржавчины, в которой бултыхаются расплавленные куски внутренностей. С отворачиванием девушка делает несколько шагов назад, разбивает ветхие цепочки ударом локтя. Вновь оглянувшись на прелата, он продолжает отпевать мертвецов, Лизастрия жадно устремляет взгляд в смоченные смолой листы, которые с трудом переворачиваются внутри гримуара.

Книга представляет собой старинный аналог стальных томов, которые используют современные имперские лерии для записи, хранения и усиления своих заклятий. Только здесь... находятся десятки проклятых знаний. Ими орудовали предавшие чтецы в пик своей силы. Взгляд Лизастрии скользит по вырезанным на коже словам и символам. В ответ ее душа ощущает порочное переплетение мыслей с чувственной жадью. Она исходит от страниц и растекается густой порчей. В ответ на изучение со стороны Невестки, книга вглядывается в пустоту ее души. В сознании рождаются и расцветают идеи и образы: том рисует прекрасные поля сражений, полные крови и криков. Возводит на алтарь костей Ее — в окружении трупов. Книга обнажает покоренные земли, сотни замков и крепостей. Над каждым реет знамя полка Истины. И ее личный герб, изуродованный и нечеткий облик Лизастрии, украшенный медным рогом. Первичным даром Симиэля смертным слугам. Душу словно сжимает капкан из стали. Каждая страница дополняет образы, усиливает шепот, глубже связывает себя с Лизастрией. Кожа девушки начинает уродоваться тонкой россыпью порезов, из которых капает чужая кровь. Но Невестка не страшится чернеющей силы. Чистый разум сосредоточенно ищет, пытается понять, найти ответы. Она позволяет себе изучение запретных сил в полном объеме. Некоторые заклинания кажутся слишком привлекательными, слишком могущественными, чтобы просто угаснуть в бесконечном забвении: секреты, позволяющие раскалывать разум жертвы, наполняя ее эйфорией подчинения, тайные символы способные выдержать натиск армады, даже способ залечивать раны, не тратя собственной крови и сил, а черпая материю напрямую из разума жертвы... или пациента. Внизу стоит пометка: "Использовать только в самых крайних случаях". Но для Лизастрии способ кажется беспрецедентной возможностью практически за бесценно воскресить из мертвых даже тех, кого в ином случае собирать приходилось бы по кусочкам... Спу-

стя время, девушка наконец находит то, что искала. Отрывок древнего ритуала призыва. Того самого, что должен был разверзнуть десятки километров, залитой кровью рабов, земли, и призвать в мир живых аватар самого Симиэля, готового сеять разрушение и смерть. Разделённый на множество обрывков, он представляет собой сложную схему. Ритуал раскалывает на части саму суть изнанки и горами трупов прокладывает реальный мост до самого мира владыки крови. По коорому он впоследствии бы явился, восстановив сущность из десятков тысяч принесенных ему в жертву людей и демонов. Но удивительным для девушки стал заключительный акт. Хитрость, которую собирались исполнить Чтецы... Она, тонкой струей бледных, как снег, чернил, укрытых от взора обывателей заветом смерти, была оставлена в самом конце. Приказ о дальнейшем подчинении аватара Симиэля путем порабощения его разума. А это значило то... что в глубинах вечно пылающих лесов, возможно, скрывается не просто высший демон, а воплощение Владыки, призванное в реальный мир обезумевшими легионерами смерти.

Невестка быстро захлопывает дневник еретика. По пальцам бежит рябь не страха... но трепета. Страх больше не является в разум Лизастрии в привычных формах и никогда не начнет являться вновь. Она почувствовала это изменение еще в первые секунды пробуждения. Госпожа Смерти вырывает все страхи из разума, души и сердца своих слуг. Но само ощущение боязливой робости... оно проступает в душе девушки, сквозь всю волю Матери. Сражение с аватаром Симиэля... заключенного здесь век назад. Это невозможно. Она не справится в одиночку, без оружия, без помощи Их, без других Чтецов. "Это не страх... это разумная позиция, это логика." — Успокаивает себя девушка, начиная ходить кругами от наплыва мыслей. С ее пальцев и волос срываются беспокойные сполохи магической энергии. Несколько кустов загораются кровавым пламенем и вскоре становятся текущими ручьями стали. Пепел постоянно меняет свой цвет. По воздуху катится целое цунами из самых разнообразных запахов, начиная от лимонного пирога и заканчивая конским навозом. В конце концов, по крови Лизастрии грубо ударяет рябь ледящего холода. В открытых ранах, подобно лезвиям, вырезаются серебряного цвета сосульки. Невестка резко вздрагивает от прилива боли и переводит взгляд на прелата. Служитель церкви хоронит своих братьев в огне, сжигает останки и собирает прах в небольшой узелок. Закапывать их тела в пепел было бы решительной глупостью... Подойдя ближе, Невестка Смерти хватается за плечо мужчины. Тот поднимается с земли, так и не успев до конца собрать прах одного из сожженных.

— Мне нужно знать, что, по твоему мнению, таится в этих лесах, прелат. То, что я обнаружила... не пробуждает во мне надежд на победу.

— Конечно, сестра... мой прадед был заядлым еретиком, он оставил у нас в доме свою богомерзкую книжницу... клянусь Ими, мы три поколения жаждали отдать её вашему ордену! Но каждый раз нам отказывали совершенно разные люди, говоря, что время её ещё не пришло. Когда явился я, мне посоветовал отложить её такой старый, толстенький мужичок в ошейнике, кажется, он ваш Магистр — Кендерик. Я бы и не послушал его, но он так убедительно говорил, что я отчего-то передумал... А после мы ещё множество раз встречались для бесед, но отдать книгу даже как-то в голову не пришло.

— Кендерик... странно, что он не изъял её сразу... значит, ничего полезного в ней нет. Но неважно, если я права, то шансов у нас нет. Придётся отступить. Нам не одолеть аватара Симиэля, который веками поддерживает существование этих лесов. Сегодняшняя победа — пшик, у него должны быть легионы этих теней за всё время, пока ему позволяли охотиться на путников. Странно лишь одно, что мешает ему вырваться... и не оказали ли мы ему услугу, потревожив могилу этого чтеца.

— Аватара... но сестра, я зрил его своими глазами! Я видел душу этого отродя, даже смог выжечь часть тела молитвой. Отринь наваждения сомнений! Он слаб, боится нас и наших покровителей. Вот, прочти же записи предка и уверуй в нашу победу! Ибо близка она! Не с Аватаром нам предстоит бороться, а с богомерзким еретиком, что обличил себя в демоническую шкуру!

Прелат практически впихивает в руки Лизастрии книгу, но прежде, чем девушка успевает раскрыть её, неподалёку раздаётся знакомый ей вой и клацанье. Псы войны... девушка быстро прячет дневник в сумку и встаёт впереди Митея, ожидая очередного нападения. Но вместо стаи к ней выбегает одна-единственная особь... почему-то смутно знакомая Невестке. Остановившись перед Лизастрией, тварь опускает свою голову, клыками разрывая пепел и, словно ребёнок, покачивается из стороны в сторону. Её шкура... взгляд застывает. Несколько секунд демонический пёс и Чтец просто осматривают друг друга. Глаза, пасть, лапы... не может быть... гончая, которую Лизастрия убила в далёком детстве. Она переродилась... и нашла её? Девушка приближается к демону и встаёт перед его мордой на колено. Лизастрия грубо берется за стальные клыки, выпирающие из пасти и начинает осматривать со всех сторон. Прелат смотрит на нее со смесью отвращения и ужаса. Удивительно, просто невероятно... Лизастрия приподнимает туловище пса кверху. Её взгляд замирает. Лицо корчится в смеси удивления, отвращения и неприятия. Шрамы на теле... ровно там, где она проводила вскрытие в детстве. Пальцы медленно странствуют между пластин, из которых вырываются лстящиеся языки пламени. Они не причиняют ей никакого вреда. Лишь щиплют кожу под броней. Мгновение — и девушка, словно проснувшись, отшатывается от пса назад. Поднявшись, Лизастрия искоса бросает на священника выжидающие взгляды.

— Мирная тварь... как удивительно, что он делает здесь, сестра? — Митей, как может, старается держать голос ровным, но удаётся ему это едва ли. Взгляд опустошён и смотрит то на девушку, то на пса, прямо как на мертвецов.

— Понятия не имею, прелат... многие годы назад я убила этого пса в заброшенной еретической башне, и с того дня не вспоминала. Я не знаю, как он нашел меня сейчас. Только если...

— Где-то здесь не расположена кузница Симиэля.

Одновременно произнося эти слова, взгляды обоих приковываются к демоническому созданию. Оно вновь оказывается под властью Лизастрии, лишенный опеки своего господина. Так же, как и больше десяти лет назад. Пес покорно бродит у ног девушки, подобно боевому питомцу. Только изуверски обезображенному и оскверненному ересью троп питомцу. Через несколько секунд подозрительный взгляд Лизастрии упирается уже в служителя церкви... Непосвященным не пристало знать о столь темных проявлениях демонической силы. И в особенности деревенским прелатам. Но девушка быстро успокаивает себя, вспомнив, что три поколения у них в семье был проклятый дневник... А любопытство человеческое не знает границ. Невестка направляет свою волю в демоническое отродье и приказывает вести их к месту, откуда тот явился. Демон, стрекоча и скрежеща бивнями из сплава оружия, бросается в сторону лесов, призывая идти следом.

— Ты доверишь избрать наш путь твари из миров крови, сестра?

— Он моя марионетка... прелат, почему-то, я не ощущаю сопротивления владыки войны в его сознании. Он... пуст. И потому искал мою волю, последнюю, которая воздействовала на него. Единственную, которую он помнил.

— Я доверяю тебе... сестра, ибо чую праведность в твоей душе. Веди меня... и я постараюсь сделать всё, что в моих силах, дабы помочь в предстоящих боях.

Глава 4

Тени преследуют группу не переставая на протяжении нескольких часов. Демоны раз за разом нападают из теней ветвистых деревьев, из огненных преград и глубоких ям. Внутри ложбин лежат тысячи давно сторевших тел. Разбухшие трупы до сих пор не истлели. Мертвецы кровоточат и корчатся в муках. Их внутренности уже давно запеклись, кожа разбухла и от-вот готова взорваться кровавым фонтаном. Во время более тщательного исследования, которое Кат молчаливо осуждает, стоя поодаль, девушке даже начинает казаться, что они продолжают жить. Сердца бьются и гонят кровь. Легкие наполнены воздухом, который покидает их сквозь множественные раны. Из кишечника вытекает кровь, мышцы сокращаются. Порой они практически поднимают туловище из кучи плоти. Потусторонние крики раздаются в воздухе и отражаются в черных зрачках мертвых. Отголоски резни сотрясают месиво. Стоны возле жертвенных ям не стихают никогда. Тропы в местах жертвенных котлованов разодраны и пульсируют, прямо как оголенные нервы. Больше Невестка не задается вопросом, откуда у демона силы. Быть может, заклятья Чтецов не дают этим тушам исчезнуть. Может, воля Владыки крови терзает давно погибшие души... Вскоре девушка покидает погребальную яму и отдает приказ двигаться дальше, с собой прихватив несколько органов, которые, по ее мнению, регенерируют сами по себе.

Чем дальше Лизастрия и Кат углубляются в недра горящих лесов, тем чаще видят среди безжизненных деревьев древние, жатвенные могилы. Десятки, целые сотни надгробий, выстраиваются в колонны и изуверские знаки. Среди могильных камней встречаются постаменты, поросшие пульсирующей, черной плотью. Возле каждого склепа лежат осколки латунной цепи, которую девушка, как ни пытается, не может ни сколоть, ни поцарапать. Лишь символы на ней разгораются все ярче и ярче с каждой новой попыткой. В сознании раздается безумный смех десятков разных голосов и кровоточащие раны выступают на теле. Оставить могилы в таком виде стало бы ужасной халатностью. Остановившись у алтарей, Невестка и прелат сплетают гимны воедино, напеваю молитвы о спасении душ и пламенем очищают монументы от гнилых наростов. Свет молитвы сдирает еретическую плоть с костей и смывает пиктограммы демонов. Пес войны возле ног Невестки смерти скулит и визжит от пульсации пламени возле Невестки. Часто, ручной демон загорается от вибраций в воздухе. Его страдания лишь забавляют девушку. Создание, которое когда-то пугало ее больше самой смерти, сейчас ее марионетка, чья боль лишь насыщает ее тело и усиливает жажду очистить местные земли.

Новые нападения теней не заставляют себя ждать, но стоит умерщвить нескольких из них и духи скоротечно отступают, скрываясь среди вечных пожаров. Несмотря на многократные попытки использовать еретическое заклятье исцеления на ошметках плоти, Лизастрии ни разу не удается вычленив из разума демонов даже малую искру силы. И соответственно, не удается призвать их к ответу. Ей отчаянно хочется исследовать действие заклятья на еще живых душах, но текста рассыпаются в пепел, только срываясь с губ девушки. В очередной раз пальцы Невестки горят в бессмысленном сотрясении энергии тропы, под тяжкий взгляд прелата и ее собственное разочарованное шипение. По венам расплзается черная кровь, символ магии другого порядка. Она отравляет вены и иссушает кожу. Колдовство пороков и ереси, не связанная с силой владык, всегда извращает собой хоть что-то. Проще всего отдавать в дар собственную плоть, иначе пострадает душа лерии. В мимолетном гневе, Невестка посылает в сторону наиболее крупного дерева ослепляющий луч грязно-багрового пламени. Тот взрывается в жестяной ствол, растворяя его в своем сиянии, после чего бьется об осколок цепи. Отраженная сила чуть было не попадает в прелата, но Невестка вовремя растворяет силу, впитывая энергию обратно. Служитель культа благодарно кивает. Лизастрия тяжело вздыхает и раздраженно берется за дневник священника, начиная стремительно листать страницы. Кровь

в венах болит, но черная вязка жиж медленно покидает тело через десна и уголки глаз. Внутренняя молитва матери облегчает и ускоряет процесс, но режущая боль не уходит до конца. Принимать помощь от Ката девушка не собирается.

Отец мужчины действительно состоял в ордене. В конце отрывка "Оды Призыва", как называли свою великую ересь предавшие Чтецы, вновь идут уже известные ей приказы, начертанные белыми чернилами и помеченные знаком смерти. Похожий набор заклятий, схожие данные, личного практически ничего нет... только текстовка "Оды" совсем иная. Судя по всему, это лишь начало ритуала... неудивительно, что всё рухнуло. Невозможно закончить то, что не было начато. Выходит внутри лесов таится вовсе не аватар Его... Это не может не радовать. Сердце наполняется *жаждой боя*, ощущение охоты придает сил, туманит разум... Чем бы ни был их противник, он смертен, и он ответит за пролитую кровь паломников, а главное... за то, что противен самой Лизастрии. Его голова послужит доказательством силы, которую жаждет узреть Кендерик. Безвкусная, безумная резня без цели и смысла. Деконструкция мироздания и сотни тысяч загубленных судеб. Но главное — насмешка над страданиями её боевых братьев и сестер. Пусть и предателей... Но это были Чтецы о Смерти. И он ответит за их пытки. Все это отравленное грехом пространство есть его грех, за которые она исполнит смертный приговор. Ах, ну и разумеется... *во имя Близначев!* Даже малейшая часть души не дрожит от трепета, когда в сознании проносятся эти навеянные кем-то мысли. Одна лишь усталость от постоянного упоминания всевластных богов раздражающий клекотом отзывается где-то в подкорке мозга. Госпожа Смерть проявила свою милость... И взор её следит за душой Невестки, одобряет шаги и дарует покой. Взор Госпожи Смерти, но не Близначев... Нет здесь никакой святой воли Их... и никто не спас этих несчастных, никто не пришел на их мольбы, не откликнулся на зов прелата! Никто... кроме Нее. И не Близначевы пришли в ад, дабы покончить с ересью, не боги и не Их святое воинство, а смертная. Она. *И Она уничтожит тварь. Выпотрошит тело. Будет наслаждаться каждой секундой его гибели, каждым стоном и хрипом, покуда тварь захлебывается кровью... Руки сводит. Она ощущает жажду. Жажду битвы и резни.* Гнетущие мысли подпитывают усталость и постоянные нападки теней. Фантомы истощают её силы и дробят на части мысли. Каждый раз она убивает их всё жестче и жестче. Нагоняет отступающих и оскверняет останки, отгаскивая прелата от тел. *Они заслужили смерти в пытках. Пусть же пылает их душа, как пылает гневом ее сердце.* Усталость прерывается в эти моменты, странно... Но ее мысли топятя в гнетущем реве, похожим на марш. Лизастрия не слышит его, она не замечает его, делает все возможное, чтобы игнорировать зов дальше.

Невестка раз за разом, словно одержимая, вчитывается в одинаковые строки дневника, надеясь увидеть скрытые истины. Но это лишь дает ереси проникнуть глубже в её сознание. Тексты подыгрывают кровавой жажде. Она постепенно охватывает тело оплетая его тремором и стуком зубов. Мгновение — и гримуар скрывается в сумке. Руки уже не просто трясет, их ломит конвульсиями. На мгновение кажется, словно ей удастся отбить наваждение и подчинить себе волю. Но усталость от постоянных боев и бурлящая ненависть не исчезает. Напротив, душа вскипает вместе с сердцем, силы возвращаются... Но силы не Ее. Силы, которыми она брезгует пользоваться. Святость прелата начинает действовать ей на нервы. Не из-за зависти, даже не из-за бесполезности мужчины в бою... где свет, кажется, намеренно старается избегать его молитв. Нет... он просто не понимает, как всё плохо, по какой тонкой грани они бредут. Для него мир делился на свет и тьму. Больше ничего. И в этом была величайшая ложь, которой кормят церковников. А они вкладывают ложные помысли в скот, который ведут на убой. Именно эта слепота не дает Империи войти в новый золотой век. Лиз искренне верит в это, но не может понять почему. Но ей кажется очевидным, что именно закостенелость взглядов не дает сокрушить врагов силами... которые изнутри сдерживаются беззубыми идиотами, традициями и страхом! И прелат был во многом олицетворением этой глупости. Его слабость

убила сотню... а может даже больше паломников. Она напитала демона новыми силами. Но гнев лишь нарастает... он не может нарастать вечно. *Ее пальцы произвольно всхливают, тропы изранены, тропы пытаются очиститься, используя её. Но Невестка не видит этого, не хочет видеть.*

— Удалось узнать что-нибудь, сестра?

— Зови меня Лиз... ты не член ордена, я не твоя сестра и ты не мой боевой брат, прелат.

— Могу ли я попросить тоже звать себя по имени, Лиз?

— Нет. Я уже забыла его и не стану вспоминать, куда не увижу в тебе чего-либо, кроме этого вычурного, бесполезного света. — Лизастрия лжет. Она прекрасно помнит всё, что говорил прелат. Но её слова тверды, как сталь. Она не видит в нём равного и не желает придавать облик тому, кого, возможно, придётся принести в жертву во имя победы. Прелат бесспорно верен Империи и силен духом. Но силы, с которыми они столкнутся, могут вынудить её пойти на крайние меры. И долг Смерти должен быть исполнен. Любой ценой. — А до этого момента... ты один из тысяч прелатов, живущих в Империи стали.

— Мне непонятны твои... слова, сестра. О чем ты?

— Подумай над этим, пока бродишь без дела. Это твоя первая ошибка, прелат, ты вновь назвал меня сестрой. Вторую я уже не пропущу мимо ушей.

Тихий рык Чтеца заставляет щедрое тело мужчины вздрогнуть, но даже так в нем не оказывается ярости или обиды. Прелат просто... закрывает глаза, снова читая молитвы. Ярость переполняет разум и клинит его. *Тело движется само по себе, разум скован злостью, словно попался в капкан.* "Сколько можно?! Сколько ей еще придется терпеть это?!" — Лизастрия уже не понимает, ее ли мысли теплятся в сознании. Попытка сделать глубокий вдох надрывается. Из ее горла вырывается ком кровавого мяса, размером с монетку. Девушка из последних сил не поддается животному желанию убивать. Одергивает горящие пальцы в сторону и разбивает застоявшуюся силу ударом о одну из цепей Симиэля. "Что-то не так, нет, это ведь не Я." — Наконец, признается сама себе Невестка, разглядывая тлеющую перчатку из стали. Она заходитя пепельным облаком, чешуя покрыта россыпью пульсирующих кристаллов из крови. Немного погодя, Лизастрия закрывает глаза и возносит молитву чистоты, вместе с тем отдаляя душу от троп и передавая сердце в руки Матери Смерти. В ее сознании — извращенная и чуждая мелодия. Стремительная, громкая пульсация. Стук литавр и фанфар, грохот брони, взрывы и пламя... Оно течет по ее телу от стоп и до макушки. Вскипание крови... Перед взором Невестки ее оголенное тело, отраженное в стали брони, все ее раны заново открываются, шрамы кровоточат, но боли нет. Потому что Владыка Войны даровал ей свой первый дар... но ни одной печати на теле Лизастрии нет, как нет и его знаков. Значит, благодать крови предназначена не ей. Где-то поблизости оно, место призыва. Девушка распахивает глаза и проводит тыльной стороной ладони по своему лбу: крови нет... только бледные капли пота. Значит она не поддалась... значит борьба внутри еще в самом разгаре. Пес войны подле ее руки становится заметно бодрее. Как же она могла быть так слепа? Где-то неподалеку символы Симиэля... и не просто символы, его ритуальные круги и стальные шести. Оглянувшись на прелата, та вновь не видит в нем ни грамма ереси. Словно скверна и порча обходит мужчину стороной, взывая лишь к гневу Чтеца. И у нее почти получилось проникнуть глубже. Еще бы немного, и Невестка пала бы жертвой кровавой жажды. Прикладывая силы, чтобы наполнить разум пса

войны новым приказом, Лизастрия вновь невольно обжигается, ощущая едкую волну боли в запястьях. Прекрасно... Если боль есть, значит, ей удалось отвадить от себя порчу, хотя-бы на время. Поблагодарив Матерь Смерти и игнорируя вопросы прелата, Чтец устремляется следом за сорвавшейся с места гончей. Тварь радостно повизгивает и лает, провожая хозяйку к месту недавнего жертвоприношения.

Их встречают поля ритуальных кругов, расположенных вокруг ещё одного мясного дерева. Но свежие... уже не вековой давности. Лизастрия беглым взглядом распутывает рисунки: кровь ещё не высохла и пиктограммы в виде демонических отродий сияют удивительно ярко. Жертвы были убиты несколько часов назад, не больше. В худшем случае сутки. За спиной раздаётся скорбный стон, граничащий с криком. Прелат бросается вперёд и отталкивается в сторону Невестку. Та молчаливо провожает его взглядом, делая медленные шаги вперёд. Мужчина падает на колени перед первым же кругом и с трепетом берёт в руки хладную голову молодой девушки. Беглый взгляд... длинные, каштановые волосы, изящные пропорции тела, удивительно красивый оттенок закатившихся, пустых глаз, в которых Невестке видятся фиалки и полевые цветы. Но ни сострадания, ни жалости в сердце Невестки не возникает... это было слишком предсказуемо. Если прелат верил в то, что хоть кто-то жив, он наивный глупец. В центрах пентаграмм возвышаются стальные шесты,. Особый демонический сплав блестит глубокой темной сталью, внутри которой заключены мощные чары и призывные текстовки. Чем выше шест, тем больше крови он впитал. На стали реют знамена Владыки крови, сшитые из тряпок и человеческой кожи. Именно эти творения разжигают в сердцах порчу и злость, они одурманивают разум и рвут на части. Лизастрия редко встречалась с ними... В столичных катакомбах им не было места. Подходя ближе Невестка с наслаждением плавит сталь и молитвами очищает полотна, уничтожая стяги Его. Чёрные, вышитые на красных от крови полотнах рога, скрещенные над рисунком руин, исчезают в льющихся языках пламени без следа. Кровь, которая течет из-под брони Невестки безжалостно разрывает ритуальные круги. Ее чистый оттенок вина очищает от гнета ереси не только землю, но и тропы. В голове рождаются новые теории, картина местности полнится и изменяется... "Здесь есть не только демоны, но и еретики, способные построить алтари и впустить в реальный мир скверну. Если представится возможность, необходимо допросить их" — Лизастрия тускло улыбается мыслям о пытках. Её утомило пользоваться пламенем... Воспоминания рисуют ей образы из прошлого, где девушка искусно ломает на части разум и волю своих врагов, не прибегая к столь простым и грубым методам, как огонь. Но иначе здесь нельзя. Шесты плавятся, заливая железом тела. Оно плавит им кожу, обнажая покрытые резцами кости и мясо. Странно, но вокруг ни следа. Ни магического, ни реального... Но в тишине гнев и презрение наконец отступают. Лизастрия вновь слышит лишь себя, не поддаваясь грехам. Если здесь есть кто-то, способный возводить подобное, значит, он неподалёку. Если он неподалёку, значит, пёс действительно ведёт их к месту своего возвращения... скоро будет бой. Невестка ощущает внутри себя гнетущую усталость. Ей сложно верить в свою победу, перед поединком следует отдохнуть.

Оглядевшись вокруг, Лизастрия истощённо вздыхает. Рука вновь поднимается над землёй, и струя пламени разрезает на части мясной обелиск. "Забрать дневник... отпеть собрата и можно взять паузу, медитация вернёт силы, вскоре можно будет двигаться дальше" — проносится в сознании. Заслуженный отдых так и манит своей близостью, придавая сил. Шатаясь среди обугленных, вспоротых или разорванных трупов, её сознание строит сцены смерти, развлекая Невестку. Одного зарубили в грудь и вырвали кости. Второго, судя по всему, обглодали псы войны: кости истерзаны следами их клыков, и кожа содрана рвано и грубо. Следов магии на убиенных нет. Но нескольких видно, пытали с особым пристрастием: оторвали губы, вырвали ногти и переломали поочередно все пальцы. Поговорить бы с ними... Воззвать к частичкам памяти, новряд ли хоть кто-нибудь скажет что-то интересное. Скорее всего, будут

лишь назойливые крики и мольбы о пощаде. Это были сельчане, не воины. Глупо ждать от них мученической и достойной смерти. Оказавшись перед телом Чтеца, Лизастрия замирает на месте... его нет. Дневника нет, а труп ее брата уже осквернен. Доспех, покрывшийся толстым слоем ржавчины, вспорот ударом крючковатого топора разлагается, разваливаясь на куски. Комья плоти и стали медленно соскальзывают в булькающую жижу под ногами. "Проклятые еретики... неужели они планируют возродить его? Это ведь безумие..." — Лизастрия раздражённо массирует виски, с презрением ступая по растекшемуся бульону из внутренностей и повторно осматривая тело. Ничего. Хорошо, что хотя бы две части находятся у них. Ритуал по воскрешению аватара был бы безумием... без сил смерти подчинить его невозможно. Это просто... просто была бы гибель. Гибель всего вокруг. Девушка понимает, что план состоит в воссоздании "Оды", но хватит ли еретикам на это сил? Нет, не может быть такого, чтобы среди них нашлись лерии достаточной власти, дабы составить текст величайшего творения её ордена. Вернувшись к безудержно дрожащему на земле прелату, Лизастрия безучастно садится неподалёку. Она заранее окрестила значительную территорию вокруг них защитными рунами, соединив воедино еретические письмена и современные имперские техники. Простенький эксперимент, что позволил ей сохранить толику силы внутри. Значительная часть тёмного барьера возводилась ею из крови мёртвых паломников. Невинная кровь чудо как усиливает ее руны. Лизастрия закрывает глаза и впервые позволяет себе расслабиться. Она слышит вокруг новую, чудесную песнь. Ее тщательное изучение стало внезапным развлечением перед медитативным трансом. Чёрные тона переплетаются под её волей с пёстрым золотом. Вместе они борются с сиятельным алым оттенком крови и перемешиваются с отрешённой серостью стали. Эту часть ритуал почерпнул из её доктрин и веры в Матерь Смерти. Крики ужаса и агонии, которые питают барьеры еретиков, смешиваются воедино с пением имперских весталок, отражающих щиты лерий. Их пение раздаётся внутри сознания девушки столь сладкозвучно и приятно, что на измученном, впалом лице простирается улыбка. Порченная кровь окончательно покидает ее вены, бледная кожа как прежде отликает бордово-алым. Так странно... В первые секунды ритуала, Лизастрия ожидала ожесточённой борьбы. Но под волею Матери Смерти, магические линии музыки и цвета ереси склонили головы. Теперь божественный хор сочетается с криками ужаса, которые возникают в моменты молчания весталок, и скрежетом оружий благославленных жриц, в моменты изуверских стенаний. Перед ее взглядом алый наполняется глубокой болью тьмы, и вот победа уже не триумф, а необходимость, взятая бесчисленными жертвами. Серый приобретает новый, грязный оттенок грехов. Он делает сталь лишь крепче, закаляя пороками и ошибкам. Золотой отблеск подвигов... смешивается с чёрными. Он становится все ярче и ярче, горя как сумеречное солнце над кругом защитных чар...

— И ты ничего не сделаешь!?

Внезапный крик прелата выводит девушку из транса. Поднимая с земли окутанные чистым потоком силы пальцы, она переводит удивленный взгляд на рыдающего мужчину, который даже не пытается скрыть свою слабость и утереть слезы рукавом. Это, почему-то, не вызывает в Лизастрии раздражения, хотя его психоз достоин отвращения. Наклонившись вперед, Невестка ждет продолжения, про себя начиная скалиться от предвкушения. Наконец она видит в прелате хоть что-то, кроме этой бредовой веры в лучшее и заученных догм. Видимо, это те самые паломники, которые должны были быть живы... но что ему нужно от нее? Не оживить же их он потребует? Впрочем, в момент отчаяния... боль толкает людей на безумие..

— Всю дорогу ты баловалась своим черным ведьмовством, приручила демоническую тварь и рылась в крови, подобно худшим из еретиков. Я видел, какую ересь ты возводила

над прахом призраков, над бездушными тварями, жаждущими нашей смерти. Но здесь... где можно поговорить с каждым, где можно услышать их голоса, ты... ничего не делаешь?!

— Всё, что ты услышишь от них, прелат, это крики боли, ненависти и агонии. Даже если она была тебе дорога, поверь, ты не захочешь внимать её голосу вновь. Ты не услышишь в их отражениях прощения или любви, только мучения истязаемой плоти. Не нарушай моей медитации, мне нужен отдых перед боем... иначе нам не удастся отплатить твари за их смерти.

— Не тебе решать, чего я хочу! Я... я требую, чтобы ты позволила мне... хотя бы попроситься, попросить прощения за то, что завёл их в ловушку, что завёл в ловушку её...

— Глупец... я не верну их! Ни их души, ни их эмоции не помогут тебе унять боль. Я могу поговорить с тем, чем они были перед смертью, услышав кровь. Но я рискую заразить своё сознание страшной хворью, поскольку всё, чем они были, теперь отравлено волей Владыки Крови. И я не стану рисковать, чтобы внимать истошному крику и молению о милости от тщедушной селянки.

— А тот трюк, что ты возводила над демонами, я слышал, как ты шептала о возрождении!

— Исключено. Я так и не опробовала ритуал и не могу ручаться за его верное исполнение... более того, это ересь. И даже по меркам ереси... это силы, противные даже моим павшим братьям. Неужели твоя светлая душа отбросит постулаты, согласившись на подобный обряд? Ещё и над той, которую ты любил...

— Да. Исполни ритуал, возьми мою кровь или душу... но верни мне её. Сделай всё возможное, если есть хоть малейший шанс... я согласен.

Девушка вскидывает бровь и резво поднимается с земли. Она практически улыбается безумию и рвению прелата. Наконец-то святая аура пошатнулась. И из-за чего? Из-за девушки... как банально и до боли слащаво... Но для нее это удивительная возможность. Это шанс наконец узнать, как работает столь причудливое заклинание. Пусть в своем разуме Невестка уже построила наиболее вероятные варианты развития, практика всегда предпочтительнее для истинных исследователей. В воздухе раздается щелчок. Прелат покорно отходит в сторону. Невестка встает над вспоротым по животу трупом, закрывает глаза и направляет волю в пустующий разум, начиная в голове прокручивать слова, взятые из еретических записей. И все же, она ведь мертва... вернуть душу в тело невозможно. Единственный возможный путь — это пробудить воспоминания крови и собрать по частям все остальное. А после открывается шанс излечить все ее естество от ран. Улучшить его, возможно, даже заменить потерянное чем-то иным, чужим разумом или даже осколками души. Например, душой другого Чтеца... Как же велико любопытство узнать, что же случится с телом без души! Улыбка наконец выступает на лице девушки — истинное наслаждение от изучения, исследования, от новых знаний. Это сильнее, чем табак, расслабляющий тело. Это более пьяняще, чем самый крепкий алкоголь, это привязывает куда лучше любых наркотиков. Сила ненависти и боли всей окружающей среды потоком грязи вырывается и наполняет умерший разум девушки. От бушующей власти он рвется на множество мелких, самостоятельных осколков. В них заложенная в крови память. Из них Лизастрия в мгновение ока начинает творить тело. Первые мгновения выглядели как чудо: кишки, селезенка, печень и желудок встали на свои места, растерзанные конечности обрастают новыми связками, затягиваются оставленные раны... Мертвенно бледная кожа наполняется новой жизнью, свежей бурлящей кровью. Внешние изъяны исчезают,

словно их никогда и не было. Еще секунда, вокруг сгущаются тени и шепот громогласно рвется из прежде чистого пения Невестки. Безумие начинает просачиваться сквозь реальность, пользуясь распахнутым окном. Земля меняет свой цвет, по одеяниям прелата ползут кровавые подтеки. Его волосы покрываются ледяными изваяниями. Руки Лизастрии дрожат, тело сгибается пополам порывом болезненной судороги. Кости ног истомно трещат, словно крошась на части. Еще секунда — ткань реальности искажается, сворачивается в самом себе... Из теней вырываются подобию человеческих образов. Они образуют причудливую петлю, зависшую над телом девушки. Из ушей Невестки хлещет проклятая кровь, но вовсе не ее собственная. Ноги зарываются в землю, но вскоре сдаются. Лизастрия падает на колени, пытаясь подчинить и удерживать петлю под своим контролем. Из ее центра, тонкой, практически незримой каплей льется жизнь... или ее подобие, что медленно врезается в собранное по частям тело. Крики вокруг перестают в визг и скрежет. Из вены ведущей руки вырываются тонкие черные копии скверны. Их концы врезаются в блестящую петлю и из нее пронзают череп и глаза мертвеца. Прелат в ужасе пытается вырваться из ожившей земли, что, покрывшись кровавыми наростами, поглощает его тело. Но его молитвы растворяются во всепоглощающем смехе Лизастрии. Она не испытывает ни боли, ни страха, отдавшись безумию голосов вокруг и прикладывая всю возможную силу, чтобы завершить начатое. Еще мгновение — и резкая вспышка блекло-белого света отбрасывает руку девушки назад, почти вырывая ее из сустава. На землю перед прелатом опускается полностью здоровая паломница. Ее тело подрагивает, как от сильных конвульсий. Губы, сомкнувшиеся в момент смерти, медленно двигаются из стороны в сторону. Красота тела... бесподобное творение, ни единого изъяна, ни единого шва, нет ничего... Ее кожа совершеннее, чем у самой Лизастрии. Ногти будто свежие, волосы льстятся и сияют, как после душа с травами и маслами. Тропы вокруг успокаиваются, земля отпускает прелата, голоса по-прежнему смеются в мертвых паломниках вокруг... Лизастрия медленно выбирается из земли, уже вправив руку обратно в сустав. Но боль и неудобство для нее — ничто. Невестка с подлинным интересом разглядывает парочку, предвкушая, что же будет дальше, подобно ребенку, что попал на шутовское представление. Да, пока это не выглядит заменой привычных способов, но пламенем невозможно воссоздать тело. Немного практики, немного контроля... и она сможет оживлять себе рабов из мертвых. Не часто, но когда ей то потребуется. Конечно... если все получилось...

— Мия! Ты... жива, жива! Я хочу... Прости, прости меня! Ты была права, это безумие, наши... они мертвы, все мертвы, но их можно воскресить, прямо как тебя, тебя...

Прелат делает шаг, еще один. Он страстно хочет коснуться, обнять, прижать к себе. Лизастрия, цокая от боли и жмурясь от сжигающего связки пламени, аккуратно поднимается. В очередной раз она дивится удивительной способности доспехов, что проводят магию так же играючи, как спасают тело от огня. Ее тело пострадало, но броня осталась нетронутой... лишь легкий след скверны блестит на левой руке странным, извивающимся символом ржавчины, который почему-то кажется Лизастрии весьма... уместным на ее броне. Воистину, ее латы — чудо былых эпох. Оказавшись на ногах, она бегло осматривает девушку. Кажется, что все действительно идеально... что вот оно, работающее заклятье. Но рука прелата, коснувшаяся ее спины и отдалившая прядь длинных волос, открывает ужасающую печать во всю спину, практически такую же, что стояла на глотке мужчины и лбу Невестки. Секунда — Лизастрия не успевает даже дернуться, как в ушах раздается дикий крик и вой. Пальцы Мии рвутся на части, обнажая белые когти размером с клинки. Печать раскаляется черным пламенем, сжигая на девушке одежду. Когти впиваются в спину священника, прижимают к себе и сдавливают позвоночник до хруста. По спине девушки бежит рябь отвращения и стыда. Хруст спины неприятно отзывается собственной болью, позвоночник впивается сталью в ее плоть. Из рта

существа вываливается связка из нескольких переплетенных, острых языков, ласкающих губы мужчины, его нос и лицо. Прелат не способен даже пошевелиться, в глазах мешается ненависть к себе, слабость и что-то... отдаленно похожее на экзальтацию. Разочарованно покачивая головой, Чтец врезается в разум обезумевшего демона и сковывает его движения, разрушая недавно построенное сознание. Точнее сказать, отсутствие какого-либо сознания. В разуме Мии одна только пульсирующая пустота. Лизастрии не пришлось вкладывать в ее контроль практически никакой силы. Она словно просто опустила рычаг, и всё — тварь замирает, отпуская тело несчастного. Внутри мыслей воскрешенной до слуха Невестки докатывается тихий плач. Но он тут же исчезает, словно испугавшись воли служительницы Смерти. "Что это было? Неужели я поселила внутрь оболочки иную сущность?" — Лизастрия, в смеси отвращения и опасения за свою жизнь, отталкивает исчадие в сторону, стараясь не смотреть на нее слишком много. Убедившись, что Мия больше не сопротивляется, девушка опускается на колени подле прелата. Его лицо не сильно обезображено, язык лишь кое-где содрал кожу и вылизал часть плоти. Спина пострадала сильнее, и видно, что мужчине очень больно. Но кажется будто ничего важного задеть демону не удалось. Тяжко вздохнув, Лизастрия тихо проклинает все вокруг, осознавая неизбежное. Ей придется излечить мужчину, но собственных сил у нее практически не осталось. Придется торговать плотью. Лизастрия запускает разум в саму себя и мысленно разрывает запястье, готовясь шептать молитвенные песнопения и ритуальные отрывки. Но прежде, чем капля крови касается плеч прелата, мужчина кладет свою руку на ее туловище, легко сжимая сталь. Открывая глаза, Чтец смотрит на заплывшие от слез глаза, Они глядят точно ей в сердце и душу. Прелат медленно качает головой, пытаясь улыбнуться.

— Ты мешаешься мне...

— Это моя плата. Я оставлю на себе эти шрамы, Лиз. Я заслужил их: предал Блинецов, соблазнил тебя на еретический ритуал. Но она, она... скажи мне, ты ведь видела это? Видела!? Она прижимала меня, целовала, словно там, внутри этой твари, действительно она, моя Мия... это возможно? Ответь мне, возможно ли?

— Я залатаю тебе лицо, смотреть противно даже мне... И поверь, даже если она там, таким ты ее не обрадуешь.

— Значит, это возможно, мы еще можем спасти ее!?

— Не сейчас, быть может... никогда. Я недавно в ордене, новенькая, не познавшая таинств. Мне неизвестно, насколько глубоко продвинулись мои братья в изучении одержимости, и уж тем более ритуала, которым воспользовалась я. Но одно я скажу тебе точно: у нее не будет души. То, что я создала... простая оболочка.

— Она целовала меня, ты видела, она не хотела причинить мне боль!

— Верь во что пожелаешь... И напхни свое имя, я добила своего. — Лизастрия помогает мужчине подняться, попутно собираясь с силами для последнего заклинания. Ее тело опустело, тропы пробираются внутрь этой пустоты... Холод пронзает сердце и стремительно катится по венам. Скоро она просто рухнет без сил, времени осталось немного.

— Ты не станешь уничтожать ее? Может, оставишь для опытов... или чем вы там занимаетесь в своем полку!? Ты же ищешь знаний и истин, разве это не достойная для тебя загадка?

— Мне... нужно подумать. Имя, немедленно, пока я не передумала... прелат.

— В этом была твоя просьба!? Предать свет, Империю!? Почему теперь ты считаешь меня достойным, после того, что я сотворил, на что обрек тебя? Я видел, как твои кости ломались, как твоя плоть тлела, как ты черпала силу из самых глубин. Ты хотела снова взять оттуда силы, чтобы исцелить меня, ты могла пустить в душу не просто ересь, а чистую силу изнанки, могла погибнуть! Что изменилось сейчас, Лиз?

— В Империи множество бездумных прелатов, несущих свет глупцам и идиотам. Они необходимы, чтобы чернь знала, за что умирать и чего бояться. Ты мог быть одним из них, и тогда не удостоился бы моего благоволения. Но ты собирался рискнуть всем, сохраняя святость в душе, обратился ко тьме, держа умысел чистым. Наш магистр объяснил мне, что наш Полк не ладит со слугами Их, а ты... теперь ты не сможешь уйти обратно. Ты привязан ко мне, ты привязан к ней, и будешь хранить все мои тайны и помогать ради милости, которую я, возможно, окажу тебе. Будь ты обычным прелатом... Возможно, в конце пути стал бы последним трупом в этих лесах, а сейчас...

— Я твой раб. Просто слуга и игрушка в твоих руках. Как и она.

— Нет, мой соратник. Ты не враг Империи, не еретик и не представляешь угрозу для моего Полка. Но и отпустить тебя без гарантии собственной безопасности я не могу. Советую обратиться к Кендерикю и получить рясы скитаров, чтобы сопровождать меня в дальнейшем, или, если так будет лучше, сопровождать ее.

— Митей Кат, сестра.

— Пока еще нет, но может, в будущем... приветствую тебя, Кат. Имя у тебя, признаться, дурацкое. Надеюсь, нас ждет плодотворное сотрудничество.

— Что мы будем делать с ней... Лиз, она может пострадать в бою, может...

— Как и ты, Кат. Возможно, я могла бы обучить тебя магии. Свет в тебе горит ярко, а из света можно высечь искру, что начнет великий пожар. Я в силах порвать связь между нашими разумами, и ты сможешь повелевать ею, как я повелеваю псиной скверны. Либо оставить ее в моем владении, но, если честно, меня это не устраивает. Я слышу... плач, и он сбивает с концентрации, остужает мое пламя, не дает контролировать всю полноту мысли. Псина спокойнее, в ней блуждает тишина...

— Я... ты сделаешь это с помощью сил скверны? Так же, как оживила ее?

— Вовсе нет, сейчас в ее разуме царит чистота и отпечаток моей силы, который проложил между нами путь. Тебе достаточно просто вложить свою власть, хватит даже молитвы, чтобы она шла за тобой.

— Ей... не больно? Не страшно? Ты слышишь плач, ее плач? Я могу помочь ей?

— Как бы... не было тяжело признать это, Кат, но я знаю не сильно больше твоего... для меня это тоже интереснейший эксперимент. Попробуй, и узнаешь. Такова воля истины, таков

завет Смерти — в познании. Не забудь поделиться результатом, это может помочь при ее... гм, полном воскрешении.

— Познание... церковь змея учила смирению, покаянию за грехи, и это ни к чему не привело. Я жив благодаря тебе, она жива из-за ереси. Но я не чувствую вины в сердце, хотя потворствовал этому. Познания нового... Может, если бы все эти годы я не избегал знаний прадеда, она бы не умерла, никто из них не умер...

— Не забывай, где грань, Кат. Не уподобляйся ереси, не впадай в отчаяние... Твоя душа горит верой, так следуй этому огню, а не борись с ним. Твой прадед был еретиком, его усилиями это место стало вашей гибелью. Его силы не смогли бы предотвратить все это, ибо они и создали вечно горящие леса. Я давно не молилась Им... кажется, с самого начала жизни. И неизвестно, сколько прошло времени с молитвы в прошлой. Окажи честь, прелат, произнеси свою проповедь, теперь для нас обеих.

— Да будет так. Храни нас в здравии, великий змий, чей яд исцеляет раны. Защити нас от схизмы, великий змий, слезами своими отплатим тебе. Прими нашу жертву во имя твое, великий змий, внемли словам нашим, молящимся тебе, великий змий, подари покой и убереги душу, великий змий. Ибо жизни наши в руках твоих, ибо милосердие твое — единственное, что знаем мы в жизни. *Варти.*

— *Варти.*

— *Варти.*

Взгляд Лизастрии скользит вбок, откуда тянется еле слышное, тяжкое вздыхание. Невозможно, но отрицать очевидное — значит лгать самой себе. Оставленная волей Чтеца, демоническая тварь повторяет святое слово, поднимая полный скорби взгляд на окоченевшего мужчину. Тот, бросившись к ней, замирает около лица, в недоумении пытаясь либо погладить её, либо схватиться. Его пальцы тянутся вперёд и останавливаются в сантиметрах от искажённых порчей губ. Отводя их вбок, Кат позволяет себе приласкать леденяще бледные щёки. И, невзирая на выступившие на теле наросты демонического хитина, священник прижимает Мию к себе, сдерживая поток слёз. Медленно доковыляв до парочки, Лизастрия резко хватается ладонью за лицо Ката, покрывая всю поверхность исцеляющим пламенем и светом. Сердце истомно стонет от боли. Кровь сворачивается в венах и начинает испаряться из тела. Кажется, что глотка вот-вот готова разорваться на части, ноги подгибаются под тяжестью брони, но дело до конца ей довести удаётся. Сдерживая боль, девушка несколько раз встряхивает онемевшей рукой, после чего падает на землю, совершенно обессилив. Прелат резво ощупывает своё восстановленное лицо и частично вылеченный позвоночник, словно не веря в то, что случилось. Его голос раздаётся неподалеку, но услышать его Лизастрии не удастся. Медитативный транс наступает даже раньше, чем Невестка успевает об этом подумать: щелчок — и разум растворяется в бесконечности троп, впитывая в себя их силу, мудрость и власть.

Первый день из трёх подошёл к концу. Пусть из-за вечно задымленных облаков и играющих вокруг языков пламени понять этого им и не удастся.

Глава 5

"Верой строилась Империя... И встретит она свой закат в миг, когда последний святой погибнет под обломками собственной кельи. Сражайтесь не за себя, воины Их, сражайтесь не за семью свои и не за почести. Лейте кровь за Богов... И после гибели, вы станете тем железом, из которого кована наша Империя. В бой, братья, никто не уйдет от праведной стали!" — Дериг Шаффер. Диктатор Войны легиона Надежды. Святой Культа Чаши. Пятнадцатое лето шестого века Горнила. Повесть "О Крылатом Льве Караса"

Медитация не должна быть равной снам; она обязана становиться спасением от порочных наваждений. Но кошмар не отпускает Невестку из своих когтистых лап. Уже вторая жизнь, опороченная черной тенью. Лизастрия надеялась, практически молилась, чтобы проклятая дрема оставила её в покое после недавней смерти. Тщетно. От проклятия Блинецов ее не способна спасти даже сама Мать Её. Все надежды на покой, как и всегда, оказались разрушены жестокой насмешкой богов. Богов, которым она должна служить... Богов, что оставили Невестку уже очень давно. На тропах она чувствует свободу. Но уже вскоре жесткий ошейник из мрачной стали впивается ей в горло и режет плоть. Она видит сотни окружающих её тварей: слугителей Владык, высших демонов, еретиков. Они глядят на неё. Внутри отражённых очей проносятся завораживающие образы кошмарных миров. Они принадлежат Владыкам. Бесконечные кузни из меди и стали, с которых течет раскалённый металл. Ледяные пустоши, усеянные останками демонических тварей столь отвратительных, извращённых и кровожадных, что их облики отпечатываются в сознании как бесформенные, неопишуемые ужасы. Их мёртвые, искривлённые тела, закованные во льды, стали бесчисленными колониями для тварей Владыки Скорби. Лизастрия видит дворцы, увитые лозами винограда, пиршества среди золота и обольстительниц, ей открываются греховные капли извращённых слугителей Её. И тьма. Тьма домов из поблекшего золота.

Тени прерываются редкими отражениями реальности: она видит марширующих Чтецов. Изуродованные боем горящие поля. Слышит стук копыт кавалерии и мертвецов. Их тела покачиваются из стороны в сторону на стенах оккупированных поселений. Но прежде, чем разум отдаётся этой свободе, этой жестокой, но родной реальности, её тело сотрясает приступ боли и бессилия. Вокруг опускается первородная тьма. Мёртвые дворцы окружают Лизастрию. Они подменяют собой миры чужеродных Владык и поглощают их в сладостной тишине. Отсюда нет пути, кроме смирения. Ничего, кроме ожидания следующего шага в пустоту, не может спасти её из удушающей бездны дамнации. Невестка медленно бредёт в собственном бреду, изредка вслушиваясь в резкие вскрики. Они раздаются в пустующих пантеонах, подобно раскатам грома. Её нога скользит по золатым плитам. Они кровоточат ихором. Резкий обрыв впереди, скрытый в густых тенях, прерывает движение. Тело Чтеца проваливается в кровоточащую пустоту и растворяется в мрачных, пурпурных отблесках сотен тел. Они устилают поля, когда-то поросшие золатыми пшеничными колосьями. Глухой удар о землю. Боли нет. Лизастрия открывает глаза вновь, готовясь увидеть то, что преследует её годами.

Она снова на окровавленном холме, под беспристрастными ликами Блинецов и ангелов Их, что сгрудились в центре мироздания, воззревая на землю с смесью отвращения и злости. Небо разрезано на тонкие лоскуты: в одних горит пламя пожаров. В других блестят пушистые облака. Где-то светит разбитый полумесяц, на котором пируют весталки, разукрашенные в еретические символы. Их лица искривлены и похожи на морды псов войны. Напротив Лизастрии разрастается величественный дуб с благородной, бордово-ореховой корой и разветвлёнными прутьями. Они держат на себе небеса, подпирая их, словно колонны держат своды храмов. Дерево подобно тому, что выгравировано на её латах... Оно подозрительно похоже

на изваяния из плоти, те, которые хранят в себе тела её павших братьев. Это её могила... Тело. Невестка дрожит и подаётся назад, надеясь избежать встречи с кошмаром. Новое рождение близ вечно горящих лесов. Она следует воле кошмара... Что бы ни происходило в её жизни, она неизменно оказывается здесь. Внутри кроны дрожит под порывами ветра разорванный кокон, исчерченный вдоль и поперёк еретическими пиктограммами и символами Владык. Лик девушки косится от негодования. Пальцы жаждут уничтожить эту ложь, но трепетный шок и боль по всему телу не дают даже пошевелиться. Её взгляд поднимается вверх: на крючковатых ветвях реют обрывки неизвестных ей знамен, чья геральдика стёрлась от пепла и всепожирающего пламени. Их вид почему-то кажется ей знакомым, но ни один из полков Чтецов не повторяет узоров, а больше... больше в новой жизни знамен ей видеть не доводилось. Оглядываясь назад, Чтец видит лишь бесконечную тьму. Ни полей войны, ни мирных лугов, ничего, что она помнила о кошмаре из прошлой жизни... Только пульсирующая пустота, откуда она упала. На ней видны изящные отпечатки чьих-то рук и узоры, вычерченные на спрятанных во мраке колоннах. Чем дольше девушка смотрит в неё, тем громче в сознании раздаётся остревенелый рык и вой. Тем глубже ноет истома в груди, и руки, словно невидимая приказам, начинают рисовать защитные символы, что не загораются среди крови и умерщвлённых братьев по ордену. Крови... она вспоминает лик Владыки что вырывается из рушащейся капели, помнит золотые цепи что идут по телу и кровь, что разбивает их на куски. Он вернулся... почему он снова вернулся!? Позади раздаётся насмешливый шёпот. Холодные пальцы жадно прикасаются к плечам Невестки. Резко обернувшись, Лизастрия видит, как между ветвями дуба тянется чья-то раздробленная, изрешеченная тень, похожая на одно из растрёпанных знамен. Но с каждой секундой существо лишь разрастается. Все неизвестные штандарты, подобно единой плоти, медленно стягиваются к тени и вскоре становятся частью дрожащих балахонов. Символы, что кажутся знакомыми, складываются в ужасающую геральдику Безликого Владыки... Демон собирается воедино, словно кукла, которой ловко управляет шут. Его руки то вздымаются вверх под порывами ветра, то опускаются к кроне, бережно собирая остатки кокона. В лицо Лизастрии не мигая смотрит золотая маска, обрамленная в виде кричащего от ужаса лица, с пышными щеками и раздробленной, заячьей губой.

- Пьеса взыграла подобно огню,
- Сквозь вихри пришла на родную тропу.
- Отринь же законы, предай всех богов...
- Яви миру сущность, лишённую снов.
- Позади тебя стынет безрадостный мир,
- Заменяли волчицей, что гневом кипит.
- Развилкою путь твой теперь разделён,
- Прими силу троп... иль познай хлад оков.

Доспех, который не вызывал у Лизастрии никаких проблем в течение долгих лет пребывания в дамнации, становится подобен глыбе гранита. В грудь бушуют порывы леденящего ветра. Они режут кости под слоем стали. Невестка с трудом удерживается на ногах. Её тело тонет в кровавой гуще. Рядом проносятся гниющие трупы, покрытые позолотой, разбитые иконы Их и фрески с ликом Матери Смерти. Невестка всеми силами пытается вырваться из-под власти демона. Её тело воспламеняется, разбрасывая плоть, после погружается во тьму, пытаясь ускользнуть из ловушки. Но все бессмысленно. Кошмар силён так, как не был с детства... И виной тому слуга Безымянного. Демоническая сущность играючи протягивает свои руки ближе и освобождает лицо Невестки от душного шлема. Серебряный коготь скользит по щеке и дарит Лизастрии неглубокий, но болезненный порез, откуда не течёт кровь, но льётся леденящий душу металл. Золото украшает правую часть лица, сковывая движение и отбирая

возможность видеть. Оно сияет и бурлит, все сильнее окутывая собой тело Невестки. Вскоре, золото покрывает часть ее разорванных доспех и тело. Крепкий доселе разум Лизастрии трещит и корчится от призрачной боли. Слова демонической твари, подобно тонким кинжалам, брошенным в неё, прорываются сквозь непоколебимый бастион мыслей и врезаются в сознание сотнями вопросов и ложных истин, что тот преподносит ей как дар. "Необходимо проснуться. Немедленно!" — Крик в сознании сокрушает золотистую оболочку и начинает новый этап борьбы. Её тело сопротивляется и медленно восстает из кровавой земли. Золото отваливается кусками и шипя скрывается в толще мяса под ногами.

- Спасла тебя мать окровавленных стен.
- Но от власти правдивой нет защиты совсем.
- Мой хозяин не сводит с тебя глаз золотых...
- Судьбою паденье твоё он чертит.
- Сражаясь, умножишь ты боль и досаду.
- Возьмись за наш путь, сокруши же преграды.
- Враги твоей стали падут пред тобой...
- Стань охотницей нашей, судьбой роковой.

Но тварь отступает прежде, чем боль от ледяного золота окончательно ломает разум на части. И прежде, чем настроенная на бой Лизастрия успевает нанести свой первый удар. Вместе с собой демон уносит все страдания, что принёс ослабленному ритуалом разуму Чтеца. Поднимая взгляд, Лизастрия отчаянно старается осветить лик демона вспышкой пламени. Но то срывается с пальцев лишь сполохами безобидных иск, глубоко золотистого цвета, с вкраплениями крови. Она льется с ее вен не переставая. Впервые, с момента обучения под крылом у Аколитов Крови, раны, оставленные собственными руками, приносят девушке боль... и боль ужасную. Сущность вальяжно возвращается на своё прежнее место, поглощая своей тенью ветви дерева. Окончательно оставив топь позади, Невестка сдерживает слёзы, которые рвутся наружу из-под маски спокойствия. Она вновь пытается ударить в тварь силой разума. План кажется простым, она делала так не раз и не два... порой обманывая, ломая и подчиняя себе даже могущественных лерий. Ей удалось обмануть Высшего демона Уиртмэля! Почему сейчас она так слаба!?... Ее настигает горькая неудача. Внутри черепа демона — кристально чистая пустота, лишь одинокая золотая монетка валяется в центре единообразной темноты, как насмешка над усилиями Невестки. И сотни тысяч защитных рун окружающих темные секреты незванного гостя. Добраться до проклятого артефакта ей не удаётся. Лизастрию силой вышвыривает из сознания твари, оставляя на коленях перед чернеющим дубом. Вокруг неё рьяно бьется в вихрях целый ураган. Внутрии стихии кружат останки людей, сорванные лепестки. Они сгорают и тлеют в порывах ветра.

- Я буду ждать до дня святого,
- Когда ударит гонг судьбы...
- И средь рабов, облезлых, злобных,
- Ты примешь дар сего судьи.
- Сама отсрочив неизбежность,
- Ты не сумела внять словам...
- Не враг я смертным деспотиям,
- Но гибель тропам обещал.

Лизастрия широко распахивает глаза. С них скатываются две золотые монеты, подобные тем, что она видела внутри разума демона. Тяжело дыша, девушка оглядывается вокруг,

медленно успокаиваясь после кошмара и восстанавливая дыхание. "Безымянный Владыка... тварь в разуме, которую изгоняла сама матриарх крови в моей юности, неужели оно вернулось вновь? Но откуда и как, я ведь чиста после перерождения! Чиста!" — Лизастрия раздраженно, практически в гневе, ударяет по земле. Пальцы медленно подбирают монеты, рассматривая их. Нет номинала... вместо изображения волка и змеи — дерево с разрезанной кроной. С краев монет медленно стекает порченная кровь. "Ритуал был проклят... Это я должна истекать ею... неужели демон помогает мне!? Почему..." — Внезапный проблеск воспоминаний: божество из золота тянет к ней руки и вождельно шепчет, что она — его лучший экспонат. — "Договор! Но с кем... кто посмел продать меня в его руки!? И почему даже очищение не спасает от его воли?" — Руки раздраженно сжимают золотые монеты, секунда — и пламя охватывает проклятое изделие, но вместо того, чтобы плавиться, деньги впитывают огонь, прекращая кровоточить. "Может, оно и к лучшему... Теперь их можно взять с собой." — Девушка ловко подбрасывает монеты в воздух, почему-то при этом жесте в нос ударяет запах животных и вспоминаются чьи-то пламенеюще-рыжие волосы. Немного подумав, Невестка оглядывается вокруг, быстро убирая их к себе. Тяжелый вздох больше похож на облегчение, чем на раздражение, ей хочется оставить у себя монеты и изучить их, пусть признается в этом она и страшится. Невестка поправляет растрепанные волосы и поднимает взгляд вверх, слегка шурясь. Отвратительно... С небес течет солнечный свет... боль и смерть ее тела. Как же противно было видеть, что он смог пробиться сквозь дымные облака. "Неужели Близнецы обратили на нас внимание? Ведь не из-за моего ритуала? Только не хватает Их осуждения... Прелат нужен мне, Они не посмеют отнять его!" — Сдерживая гнетущую злость, Лизастрия аккуратно поправляет каждую часть своего доспеха, не оставляя ничего, кроме лица, без защиты. Маски, чтобы спастись от солнца, у нее нет.

Вокруг мало что поменялось. Возле ее ног тихо вибрирует, закрыв глаза, демонический пес. Демон выглядит практически как домашнее животное... Только покрытое хитином, состоящим из твердой, но уже изношенной стали, И с железными клыками, оплавленными из демонического железа. Тварь подергивает лапами в дреме, возможно, введенной в нее благодаря медитации Лизастрии. Ей сложно признаться себе, что она испытывает симпатию к демону. Но внутри все нарастает желание дать ему имя. Все же, именно пес вывел их на нужную тропу, без него, им бы пришлось много часов бродить без ориентиров, под постоянные нападки теней. Вне защитного круга лежат разорванные в клочья тела гончих войны. Судя по всему, из их тел огромной силой были вырваны хребтины, отброшенные от трупов на несколько метров... добиться этого силами барьерами было невозможно, одно дело — испеление или отталкивание, но подобная казнь... Лизастрия переводит взгляд левее, на спящего Митея. Все сразу же становится понятно. Мия беспрестанно сторожит мужчину, блуждая вокруг. Ее лицо не выражает никаких эмоций, кроме ужасной боли и скорби. Раскрытый в немом крике рот порой закрывается, словно делает она это намеренно... словно где-то там что-то да кричит. Но ужас из зрачков демона никуда не исчезает. Ни на одно мгновение. Долго смотреть на ее тело физически больно. Перед глазами идет непонятная рябь, в сознании раздается истошный женский крик, столь пронзительный и жалостливый, что кажется, будто целый хор священниц одновременно истязают, с одной-единственной целью — пролить как можно больше слез. Но Лизастрия успевает найти ответ на свой вопрос прежде, чем крик заполняет все ее сознание. Когти Мии украшены стекающей плотью и кровавыми разводами. Они явно остались от несчастливых псов войны, которые по случайности или чьей-то воле нашли место их привала. Безмятежность на лице прелата кажется почти издевательством в этом месте. В особенности на контрасте ожившего кошмара, что подобно конструктам вышагивает вокруг него. Как святой муж может вообще мириться с... этим? Даже Невестке не по себе от соседства с новым вместилищем Мии, пусть и эксперимент обещает быть до одури интересным. "Неважно, главное —

она способна защитить и прелата, и меня. Ее жизнь — лишь исследование... Нельзя позволять мыслям о чувствах взять верх, иначе ее уничтожение станет слишком сложным." — Лизастрия медленно поднимается над землей и оглядывается... Тишина. Ее сердце беспокойно стучит, болезненно вспоминая опыт внутри кошмара. Пальцы сами по себе находят спрятанный в сумке дневник для рукописи. Мгновение — и девушка опускается на бережливо расстеленную прелатом одежду, позволяя себе минуту истинного отдыха.

Пепел мечется по листам из стороны в сторону. Он рисует пепельных духов и равнины, заваленные живыми трупами. Девушка записывает свой способ борьбы с ними и отмечает опасность, исходящую от тварей, а так же силу, что удерживает их здесь. Следующую страницу Лизастрия полностью посвящает прелату. Невестка делает не очень четкий набросок его тела и лица, записывает свои впечатления и возможности, которыми Кат обладает. Лизастрия отмечает искреннее желание узреть, что происходит в сознании мужчины, дабы понять, откуда в нем столько света, наивности и веры. И как это всё уживается с тем, что он сотворил с бывшей любовью? Как он вообще может спать спокойно, зная, что рядом с ним ходит это уродливое подобие той, ради которой он хотел умереть? В конце записи обрываются вопросом о происхождении прелата и парой вариантов повреждений мозга, которые тот мог получить в результате близости его деревеньки к проклятым лесам Симиэля. Описать поведение и сущность Мии становится для Лизастрии испытанием куда более сложным. И потому, Невестка оставляет это занятие. Поделив страницы надвое, девушка быстро очерчивает образ пса войны. Что-то в его поведении успокаивает ее. Возможно, связав разумы, она нечаянно оказала воздействие на сущность демона, спаяв повадки твари с данной ему смертными кличкой. Низший демон копирует поведение реальных псов... реально ли такое? Возможно. И пусть пес для Лизастрии всего лишь проводник, по мере отрисовки его шрамов, лезвий и горящих зрачков, все чаще возникают мысли оставить его подле себя. Почему он слушается ее? Девушка пальцами приподнимает пылающую чешую, с интересом исследователя разглядывает жесткую плоть и стремясь разгадать секрет. Что отличает его от других тварей? Жаль, что Мия разорвала тела остальных... можно было бы изучить их, дабы найти ответ. Мия... как Лиз ни старается, пепел отказывается чертить ее образ. Вместо этого получается непонятная даже самой Невестке мазня, лишь отдаленно похожая на человека. Описывая детально, как прошел ритуал, и попутно отметив странное поведение девушки во время молитвы, Лизастрия ограничивается этим и закрывает дневник. Больше ничего пока неизвестно. Крик и плач... неужели, где-то, среди боли и ненависти, действительно существует ее разум, ее... душа? Неизвестная печать возникла только когда Кат воззвал к ее чувствам, может, здесь есть связь? Нельзя упускать прелата с столь причудливым существом, она обязана добиться истины... и узнать, возможно ли действительно вернуть с того света мертвецов. И какую цену придется за это заплатить...

— Просыпайся, прелат... наш путь должен продолжиться. Мы близки к кузне и еретикам, что очернили себя ее металлом. Как же хочется пустить им кровь, врезаться в жалкий разум и разорвать его на клочья... — Здесь нет порочной жажды. Это не воля Симиэля. Лишь искреннее желание крови, что растет из уставшей души Невестки.

Невестка Смерти аккуратно снимает защитный круг, крохотным веянием силы касаясь разума мужчины и пробуждая его ото сна. Следы гончих на пепле оказываются совсем свежими... Скорее всего, они появляются с некоторой периодичностью. Только вот зачем еретикам мелкие демоны, практически бесполезные в таком количестве? И даже если глава культа использует их в качестве поисковых групп, то здесь тело Чтеца уже осквернено... и нет никакого смысла заново осматривать эту территорию. Разумеется, если отбросить мысли, что еретик чувствует изменения в деревьях плоти и ищет тех, кто творит это. В таком случае их

появление уже не станет неожиданностью для предателей... что плохо. Митей поднимается с земли, безутешно разглядывая тело Мии своим, погасшим в мгновение ока, взглядом. Счастливая ухмылка и наваждение сна исчезли. Складывая руки в молитвенном жесте он возносит молитву. Мужчина истово читает свои тексты несколько минут. Слова насмешливо уносятся в покрытое дымом небо, расторяясь в нем. Священник закрывает глаза, видимо, отдавая монстру новый приказ, после чего вздрагивает, смахивая с края глаз капельки слез. Лизастрия заканчивает разбираться с защитными символами, возвращая себе часть потраченных сил. От некогда могущественного барьера остались только блеклые линии на земле, что не смогут ничего рассказать даже самой искусной лерии.

— Как тебе удастся сохранять равновесие в этом кошмаре, Лиз? Я всегда знал, что твои братья и сестры не чураются пользоваться силами, чуждыми святым, но ты ведь совсем недавно в ордене. Я... каждый раз, когда я отдаю Мие новый указ, касаюсь ее разума... Я словно веду куклу, которую лишь недавно любил всем сердцем... это сотрясает меня. Неужели тебя не грызет совесть за осквернение света Их, власти Их и милости Их? Неужели это для тебя привычно? Кем же ты тогда была прежде?

— Не имеет значения... С самого рождения я была оставлена богами. Они подарили мне кошмары, они прокляли мою кожу и плоть, солнечный свет сжигает меня, словно тварь, пришедшую из легенд. Я выполняю долг своей госпожи, долг Матери Смерти. Он не определен мною, не я избирала этот путь, но я должна нести бремя своего долга. Любой ценой. И я не буду лгать ни тебе, ни себе, только не снова... Мне нравится исследовать то, что скрыто за золотой ширмой церковных запретов. Мне нравится боль, своя и чужая, мне нравится кровь и сила, скрытая ото всех. И пока моя Матерь довольна результатами... Никто не судия мне.

— Ты... ты проклятая дочь Рихтер! Помилуй меня, Близнецы, я имею честь общаться с той, кто носила прозвище избранницы! — "Носила"? Лизастрия насторожилась. Что же изменилось? Неужели от нее отреклись? — Спасительница дома Императора и ревнительница нечистых, как же ты... можешь говорить такие слова?

— Не знала, что известность моя зашла так далеко за пределы земель лордов. Все мои достижения... Всё, за что меня знают, было достигнуто не светом Их, а знаниями, за которые другую как еретичку сожгли бы на кострах. Гибель Форийцев... я заключила союз с демоном Уиртмэлем, чтобы одолеть еретика... демоном, лишенным символов...

Внезапная идея приходит в сознание девушки проблеском воспоминаний и вспышкой молнии. Форийцы... кто бы не направлял этих безумцев, это все было сейчас неважно. В своей гордости они положили начало практике подчинения демонических тварей, а не наоборот! И решающим в этом было именно отсутствие знаков на чешуе тварей. Отсутствие знаков, которые их глава заменил своими собственными рунами. Восторженно опускаясь возле гончей, девушка начинает вертеть его пасть и лапы из стороны в сторону, разглядывая каждую складку. Вот оно! Нигде ничего нет. Значит, символы не просто часть образа, даже не постоянное молитвенное поклонение Владыкам. Они есть нечто большее... связь с ними, их постоянный контроль. Она догадывалась об этом раньше, многие догадывались, но сейчас это было чем-то невероятным не только из-за пса войны, но и из-за Мии. Мысли начинают течь потоком... что сметает все на своем пути. Пока на спине Мии покоится эта странная демоническая печатка она подвластна кому-то... но почему тогда она повинуется ей и Кату? Лизастрия прекрасно знает, что руна не ее. Что не она владыка этого причудливого символа, который горит на бледной коже девушки. И единственный интересующий ее вопрос был — Кто? Не говоря Митею

не слова, Лизастрия бросается к ожившей, откидывая в сторону ее волосы и начиная рассматривать символ. Нет... и не символика Чтецов. Она вообще не узнает данной систематики, хотя память подсказывает, что в своей жизни Невестка изучила не один трактат о метках. В центре спирали действительно стоит привычный символ Чтецов, раскрытая книга, которую поначалу девушка ошибочно приняла за некоторые руины. Но между линиями сотни тысяч мелких, практически сливающихся воедино символов, похожих на молитвы которые прочесть ей не удастся. Взгляд Невестки становится темен и угрюм, убирая от возвращенной руки и игнорируя ожидающе-вопрошающий взгляд Ката, девушка заново отдает псу войны приказ вести ее, начиная удаляться от поляны.

— Лиз! Если ты желаешь, чтобы я составил тебе компанию во имя Их, хотя бы иногда делись мыслями! Мия моя, я ответственный за то, что стало с ней, что с ней... прямо сейчас! Так потрудись ответить, что ты вспомнила или нашла?

— Ты прав, Кат... Я сама обрекла тебя на этот путь. Теперь это наша общая стезя, скрывать от тебя информацию неблагоприятно. — Лизастрия устало массирует виски, собираясь с мыслями. — Я не знаю чья это печать. На ней нет метки Симиэля, это чужая сила... и при том не моя. Она не подчиняется мне. Чтобы снять ее, потребуются расшифровка, и, возможно, это займет годы... Магия, что вернула ее, была сильна, извращена и хаотична. Я не смогла обуздать ее силу в полном объеме. Это означает, что, возможно, печать вообще не поддается расшифровке. Это ставит передо мной дилемму... Но нам нужно двигаться дальше. Кендерик дал мне трое суток, треть прошла... а у меня лишь пара дневников и обломки вашего мусора. Нужно добраться до еретика, сокрушить его власть и разрушить чары, что пожирают это место.

— Неужели... если мы снимем метку, она станет нормальной?

— Либо перестанет существовать вовсе. Я... предполагаю, что ритуал был подобен тому, как владыки создают себе новых слуг. Метка — тоннель силы, через который мы можем управлять ею. Если метку снять... я не знаю, что случится. Пёс, что ведет нас, тоже лишен меток, но он шел ко мне и нашел. Возможно, я просто не заметила на нем символов, или не понимаю, как работают знаки Владык. На окраинах сознания Мии что-то осталось. Да и мой ритуал был крайне несовершенен. Я могла что-то сломать, и в итоге случилось то, что случилось.

— Значит, у тебя одни догадки и теории... Если этот пёс без меток действовал, исходя из собственных помыслов, то Мия...

— У низших демонов нет “помыслов”... Ими всегда кто-то управляет, как мы Мией...

— Она не демон, Лиз! Не смей осквернять её этими грязными словами, и уж тем более, мы не управляем ею. Мы лишь... лишь оберегаем, пока не узнаем, как спасти. — Голос дрожит, но мужчина готов оберегать её честь до конца. Её или свою? Мысли об этом веселят Невестку всё сильнее.

— Верь в это, Кат, возможно, это единственный способ исцелить её.

— Молитвы не причинят ей вреда? Она не испытывает боли, как... как существа, связанные с тропами.

Лиз негромко хмыкает, уже не пытаясь сдержать своей улыбки. Как бы Митей ни извивался, он прекрасно осознает, кем стала любимая девушка, кем *он* сделал её. Умно... Вера для него не наркотик, он зрит на мир иначе. Но при этом не бежит от истин, как то делают остальные священники. Тогда что же заставляет его верить так искренне, так рьяно и безоговорочно? Если он не пытается скрыться от ужасающей реальности, то что сподвигло его на путь самообмана и бессмысленной веры? Нет, что-то здесь не так, что-то не сходится. Силы Лизастрии, подобно сотням мелких когтей, ползут к чистому разуму священника. Её сердце утопает в эгоистичном желании узнать, откуда в нём столько веры... откуда он черпает силы. Может, ей удастся овладеть этим искусством? Или даже отобрать источник, если тот будет достаточно могущественным... Но внезапно, её воле не за что уцепиться. Удар, что должен был попасть по прелату, уходит в пустоту, которой там быть просто не может. Остановившись на месте, Лизастрия закрывает глаза, сдерживая нервный тик около глаза... Ни разу с момента, как Аколит обучила её простейшим манипуляциям с сознанием, и до момента, как девушке удалось сокрушить даже разум своего наставника, узрев падение Чтецов и тяжесть жизни Коренса, она не промахивалась. Ей всегда удавалось интуитивно находить цель и всегда, всегда она безошибочно знала где та находится. Оказавшись в мире изнанки, Лизастрия оглядывается. Тропы подобны бесконечно пылающим пламенным водоворотам, пути в которых выглядят как разорванные на клочки лоскуты реальности, что, покачиваясь, витают посреди пламени. Но девушка не может узреть рядом образа Митея. Его... просто не существует на тропах. Она одна в этом аду, а рядом две блеклые сущности демонов... Но ни следа мужчины. Ни его, ни подобия, даже свечения, что исходит от членов легиона надежды, неподвластных искушению на тропах, и того нет. Это нечто неправильное, нечто порочное! Лизастрия наносит удары вокруг себя, пытаясь попасть хоть по чему-нибудь, но смертоносные когти, что должны были раскрыть ей секреты, со временем исчезают в пламени... А девушка ни с чем возвращается в реальность, пытаясь логически объяснить то, что происходит.

— Как... странно. Нет, не странно. Это невозможно. Кто ты такой, Митей Кат? Почему я не могу узреть тебя на тропах, почему тебя вообще не существует на них? — В душе Невестки буря. Больше она не видит в нем абuzu, не видит спутника или жертвенного агнца. Нет... Он что-то большее, что-то опасное. Находиться рядом с ним больше не приносит покоя.. Напротив. Зная, что у Митея нет души, в сознании возникает параноидальное желание убить его.

— Понятия не имею, Лиз... клянусь всем, что я потерял, я служитель великого змия, это все. Моя жизнь разбита на части, не заставляй вспоминать и рассказывать о прошлом... Я не могу вновь представить перед собой ее светлый лик, ее смех... черты лица. И всех, кто пали здесь, прямо рядом с ней. Не могу... иначе погаснет огонь, что бьется в моем сердце.

— Ты не понимаешь, если ты способен пылать изнутри, ты обязан иметь отражение в тропах. Я видела всех, даже самого Императора, что светит подобно солнцу и луне, купаясь в светлых ликах ангелов. Всех, но не могу увидеть тебя. Твоя вера... все твои молитвы... не имеют никакого логического объяснения. Ты попросту не можешь использовать тропы и силу, не имея внутри себя свою аватару.

— Значит, это дар Их. Дар небес.

Жесткость в голосе прелата. Эта пламенеющая в глазах вера... сквозь темные облака смога и дыма... в насмешку над растерянной девушкой, пробивается легкий, практически незаметный луч солнца. Солнца... невозможно! Растерянность сменяется яростью. Гневом темным и порочным... Срывая с руки часть лат, чудом не повредив внутренние ремни, Невестка, с

искаженным от негодования лицом, подставляет под светлый луч обнаженную кожу. Секунда, другая... На мгновение Лизастрия верит в магическое происхождение света, в то, что это просто сила Молитвы, что это не Их знак! Но вот и она — резкая боль и пьянящий аромат жжения. Плоть плавится на глазах, кровь испаряется алой дымкой, к которой, завывая, подпрыгивает пес войны, открывая пасть в жажде вкусить алый эликсир. Мгновение, еще одно... Кость начинает чернеть, но девушка, словно одержимая, не сводит с собственной руки глаз, попросту не веря в реальность. Еще секунда, прелат больше не может выдержать ее бессмысленной пытки и отталкивает Лизастрию в сторону. Невестка шатается и почти падает. Ее спасает гончая войны, вовремя давшая возможность опереться о свою спину. Злости стало лишь больше. Не внимая гласу боли, Лизастрия стремительно надевает перчатку и затягивает ремешки, лишь изредка кривясь от ран. Ее ноги сами несут ее вперед, но прелату удается нагнать ее. В руках мужчины — бинты, сделанные из разорванных одежд мертвых паломников, во взгляде — страх и сочувствие.

— Позволь мне хотя бы перевязать тебе...

— Не стоит, Митей... я практически не чувствую боли. Раньше, возможно, я бы взывала и молила о помощи, но не сейчас. То, что я вижу...

— Почему ты отказываешься верить в Их вмешательство? Наше дело святое, мы несем гибель еретикам, богопротивным созданиям! Неужели это не заслуживает Их помощи? Их милости?

— За все свои жизни я не сталкивалась с Их благоденствием, с Их теплом и любовью! Я отдала всё, лишь бы получить силу... видела, как умирают сотни достойных. Тех, кто заслужил Их дара, кто должен был остаться на этой земле! Порой... Они были достойны жить больше, чем я. Но они надеялись на Них, вверили свои жизни в руки богов, которые ничего не сделали! От Них не было ни знака, ни помощи. Они бросили твоих людей на погибель, не уберегли никого. Но теперь снизошли. Когда уже ничего не изменить... и ради чего!? Чтобы опустить рядом со мной луч солнца... который лишь причиняет боль.

— И тебя это злит?

— Да. Но в большей степени я не понимаю лишь одного... почему Их милость заслужил ты. Сколько бы святости в тебе ни было прежде... ты убил всю свою паству. Ты воскресил любимую с помощью ереси и ведёшь её за собой, помыкая как животным. Почему именно ты заслужил их помощь!? Почему не павшие в бою с форийцами солдаты, не тысячи несчастных, которых убивали в трущобах. Почему не принесённые в жертву безумием Сопротивления люди? Почему Они не уберегли от гибели род Мирс, неужели все они были недостойны... но достоин Ты? — Голос Невестки дрожит. Воспоминания подпитывают её злость каскадом лиц, что проносятся перед глазами. Гнев постепенно сменяется смирением. Она отступает назад, хватается за голову, практически шепча: "Изыдите, призраки мертвых! Волею Госпожи Смерти, покиньте мой разум!" — И видения исчезают, одно за другим. Они тают подобно снегам под палящим солнцем. Сердце медленно успокаивается. — Я видела кладбища тех, кто погибал рядом со мной, всех их постигла участь быть забытыми в сырой земле. Все они молились перед гибелью... Каждый из них верил. Но никто не спасся. Никто из них не получил ответ на свои причитания...

— Моя скверна — лишь боль утраты, одна минутная слабость за годы послушания, в основе моей схизмы которой лежит свет! Я ошибся, один раз в жизни я поддался греху гордыни и убил свою паству, но за то я ответил сполна! Я храню чистоту внутри себя... но от тьмы не скрыться. Тьма будет вечно преследовать и тебя, и меня... Я не знаю, чем заслужил Их милость. И они тоже не уберегли бы меня. Ты спасла меня, Лизастрия. Не Близнецы, Они лишь дали мне сил не пасть.

— Ты не понимаешь... Митей, твои молитвы — не просто слова. То, что творят священники... это магия, порой низшая. Но жрецы высшего ранга сопоставимы с силами самых могущественных из лерий... и даже могут превосходить их. Но это остаётся магией, силой изнанки, троп. То, что я не вижу тебя на ином плане, означает, что твоей магии просто не существует... но это невозможно. Иначе ты бы не смог подчинить Мию. Ты пользуешься силой самих Близнецов, Кат. Я вижу такое впервые. И не могу найти объяснения... и тем более отказываюсь верить, что, учитывая это... никто не заметил тебя. Никто не забрал. Твоя деревня... кто-то ведь возвёл тебя в ранг прелата, он ничего не увидел в тебе?

— Нет, я получил это в наследство от отца... а тот — от деда... наша деревня находится далеко от всех проложенных дорог. Тихое, мирное место, отданное от всякой войны и несчастий. Подлинный рай... из которого я хотел бежать. Часто я отправлялся к вашей крепости, шёл неделями, лишь бы узреть защитников, их гостей, услышать новости мира. Здесь меня любили за краткость и речи, что я произносил в напутствие, ваш магистр, Кендерик...

— Кендерик точно не мог не заметить этого! Я что-то упускаю, точно упускаю...

— Кендерик часто позволял мне проводить песнопения для новобранцев... О Близнецы, что же я сотворил... Я ведь был там, всего лишь день назад я был окружен паствой, которую вёл на смерть. Как же я не додумался повернуть назад и забыть...

— Для чего ты стремился сюда? Грехи предка давно канули в небытие, даже если бы ты смог очистить эти земли... они останутся гниющей пустошью. Лишь забытое Иссой место, где нет места жизни. Я борюсь не ради уничтожения пламени, а ради останков знаний, что покоятся здесь.

— Я хотел вступить в Орден, умолял Кендерика обучать меня, принять... и надеялся, что, очистив эти земли, добьюсь своего. Мой прадед был законным владельцем всей этой пустоши. Раньше здесь были сотни деревень, несколько дворцов из чистого мрамора... я читал об этом в его дневниках, денно и ночью грезил о восстановлении владений, что были здесь веками назад.

— У тебя ещё есть шансы, Митей.

— Больше мне не для кого жить. Даже если ты отпустишь меня, то мне некуда податься с Мией... а если брошу и её... Нет, не хочу даже думать об этом.

— Могу поздравить тебя, Митей Кат... теперь ты действительно готов стать частью Чтецов о Смерти. Ты потерял всё, ты лишён стана и жизни. Матерь Смерти даровала бы тебе своё благословение, я уверена. Не знаю, намеренно ли Кендерик послал тебя на смерть или нет... но теперь ты познал истину великой Матери. Прошлое мертво, будущего нет. Кроме долга. Долг должен быть исполнен, любой ценой. Война из тебя не выйдет... Лерии тоже. Я не представляю

себе, как возможно обучить того, кто не имеет связи с тропами. Но молитвы среди Чтецов ещё живы, обучим тебя гимнам мари, и жизнь твоя наконец обретёт цель. Служение.

Радости в голосе Невестки нет от слова совсем. Впрочем, здесь она будет излишней. Мало кто идет в Чтецы добровольно... она была исключением, но Кат... тоже хотел попасть в орден. В сердце девушки блеснуло сострадание: это не его вина. Все это... не его вина. Нельзя гасить эту святость! Ее можно использовать, можно... любоваться ею. Тяжкие пути сожаления стянули грудь Чтеца, но, сминая эти мысли в клочки и разбрасывая их по разуму, девушка начинает неспешно двигаться вслед за гончей, всеми силами подавляя в себе ростки сострадания. Кат... глупец. Но эти слова почему-то не отзывались в сердце. Высокомерный? Возможно... но это знакомо и Лизастрии. Что уж там... это ее величайший грех, не единственный, но главный из всех. Лизастрия часто оборачивается на прелата, пытаясь понять, что происходит в его сознании. Мужчина кажется ей разбитым. Он отчаянно сжимает пальцы до белизны и разрывает кожу ногтями. Нараспев читает молитвы, каждый раз в отчаянии оглядываясь то на окружающий мир, то на Мию. Знакомо... эти алые потеки, разбитые в кровь костяшки... надежда. Каждый вздох он делает с надеждой, что, раскрыв глаза, все изменится, но все остается прежним. И так из раза в раз, из раза в раз. И этому нет ни конца, ни края. Надежда – величайший обман из всех. Более десяти лет Невестка засыпает в святой вере, что кошмары оставят ее. Но они каждый раз возвращаются. Десять лет она мечтает выйти под солнечный свет и испытать наслаждение, но это никогда не сбывается. Единственное, что дарует ей свет, — это новые шрамы, что болят, стоит только вспомнить о них. Оставив мужчину наедине с своими мыслями, девушка обращается к дневникам, параноидально перелистывая их страницы в поисках новых данных. И вновь все бессмысленно. Надежда вновь подводит ее. Как и всегда...

— Стоять.

Гончая будто ударяется о незримую стену. Скуля, тварь отступает к ноге Чтеца. Впереди показываются первые постройки — бывший военный лагерь, который пережил своих владельцев. Укрепления из сложенных тел, пронзенных шестами, на которых выются под жесткими порывами ветра ободранные штандарты ордена. Они источают ужасающую вонь и тлетворный смрад: нечто, похожее на ржавчину, тухлое мясо, разбавленное горьким табаком, серой и гнилым деревом. Бывшие лагерные бараки кажутся заброшенными, но из окон вырываются клубы черного дыма. Двери сильно искажены в пространстве и показываются на глаза лишь в редкие моменты. В остальное время их ход ведет в изогнутое, горящее пространство тропы. Порой оно вспыхивает особенно ярко. Внутри ряби не менее часто появляются кровавые поля, похожие на бушующие волны, в которых обитают сотни тысяч демонов, ревящих на просторах. Кузня крови, пусть и небольшая... можно даже сказать, что им повезло. Весь лагерь — три здания и один шатер, к которому ведет россыпь разнообразных следов. Великий интерес просыпается в душе девушки, затмевая тоску и отрешенность. Ей отчаянно хочется изучить Кузницу Владыки войны. Это было бы невероятным опытом. Возможно, самым интригующим за всю ее жизнь. Более того, перед уничтожением весь лагерь обязан будет раскрыть свои секреты и отдать останки былого, что сохранились среди мусора. Затаившись среди деревьев, Лизастрия блуждает разумом среди троп, ища отклики и чужие сознания... трое, двое в шатре готовят ритуал, третий отрывает руку мертвецу и жарит ее на вертеле, покрякивая на пять гаснущих жизней, идущих по кругу. Рабы, возможно, из паствы Ката... Судя по оттенкам, они не осквернены, чего нельзя сказать об остальных. Света в них нет вовсе. Кружащаяся тьма грязного цвета бушует из стороны в сторону между еретиками и зданиями, словно пытаясь вырваться из сущностей, запертых здесь. Но цепочки из раскаленного металла, покрытые россыпью пылающих, древнеимперских рун, возвращают души обратно, ударяя по ним жестокими ударами

плетей и разрывая на тонкие кусочки. Это не главные... просто марионетки. Они уже давно стали частью кузни. Но информацию из них получить еще можно. Невестка улыбается, она жаждет этих пыток, хочет выплеснуть все свои эмоции в бою, вновь иссушить себя до конца, лишь бы исполнить долг.

— Вперед. Их трое, Кат, просто пешки без силы: двое внутри шатра, один правее, возле рабов. Они не рискнут убить их просто так... Иди за мной. Я заставлю их ответить...

— Это может быть ловушка? Гончие были неспроста, они знают о нас и осведомлены, что мы идем сюда. Могли подготовиться?

— Если окажется, что здесь есть еще существа, которых не видно на тропах, то я лично вспорю себе вены. Не может мой взор подводить меня столь рьяно и бестактно. Всю жизнь я полагалась на него и буду полагаться до самой смерти. И мой взор говорит, что их трое... Может быть, из кузней появится новая партия демонов, но что-то в этом всем неправильно... На знаменах — геральдика Чтецов, но на дверях нет символов или молитв, нет даже пентаграммы призыва. Признаться... это похоже больше на пути, ведущие к мирам владык, нежели на кузницу. Но в таком случае мне решительно непонятно, что они делают здесь.

— Могут ли это быть твои братья, Лизастрия? Может, это члены ордена, а погасшие души — всего лишь мои бежавшие...

— Ты веришь, что в этом месте может быть нечто подобное, Митей?

— Просто стараюсь надеяться на лучшее... Лиз.

— Держись за Мию, не бойся за ее жизнь. Если погибнешь ты, то может и она... и вот ее по кусочкам собрать куда проще. Пока ты управляешь ею, у тебя есть возможность приносить пользу. Я не думаю, что у них есть силы сопротивляться, от них практически не исходит силы. Кто бы ни стоял за ритуалами и осквернением могил, сейчас он не здесь.

— Хранят нас Близнецы... спасут наши души Ангелы Их, направят наш клинок руки Их, защитят от стрел и заклятий... уберегут от скверны. *Варти*.

— *Варти*, прелат.

— *Варти*...

Вновь окидывая взглядом Мию, в чьем взгляде, кажется, на мгновение мелькает разум, Невестка движется вперед. Кровь медленно стекает к ладони, концентрируясь в её центре. Рана, оставленная солнцем, обжигает разум. И ноет. Но боль лишь утоляет жажду разрушения и подпитывает напряжённый разум, раскаляя нервы до предела. Кат осеняет себя святыми знамениями, оно сполохами искр рассыпается вокруг мужчины. Чем ближе группа приближается к лагерю, тем легче становится дышать. Воздух, раскрашенный дрожащей разноцветной дымкой, очищается. Тропы здесь сильно измельчали, практически сливаясь воедино с реальностью. Или даже полностью слились с реальностью... Что-то здесь стесняет движения Лизастрии. Мешает ей идти, порой кажется, что фрагменты земли резко меняются местами. То проталкивая её вперед, то отбрасывая назад. Опасное место для лагеря... идеальное для исследовательской базы. Миновав баррикады из тел, Лиз замирает около двух недавно раскопанных

могил, в которых лежат истлевшие кости и расколотые в разных местах доспехи. Поверх лат дрожат на ветру лоскуты человеческой кожи с размытыми словами на них. Не убоившись ни проклятий, ни скверны, Лизастрия собирает обрывки кожи, пытаясь прочесть текст. Прелат оказывается позади, выглядывая через плечо.

— Староцерковный, Лиз... ты его, верно, не знаешь. Он был триединым во время расцвета Империи. Дай мне, расшифрую.

— Откуда его знаешь ты? Из дневника прадеда?

— Именно. Здесь написаны два имени и погребальная песнь, думаю, ваша, орденская.

— Песнь прощания... но она появилась после ереси. Прежде Чтецов провожали в саваннах, сгорающих в пламени троп. Будь наготове, Кат... теперь я уже не уверена, что ждет нас дальше.

Пройти сквозь бараки не составляет и малейшего труда. Во многом из-за того, что предположения Невестки полностью подтвердились. Не кузня, а тонкая, едва существующая тропа... странная, будто бы искусственная и какая-то очень неровная... будто хватит одного удара, чтобы осыпалось вообще все. Она идет до двух точек демонических миров, переплетается там, после чего возвращается назад, образуя замысловатую петлю. По пути взгляд девушки устремляется в окна. Внутри она видит, что внутренняя часть барака полнится концентрированной магией, которая практически готова взорваться от того, как долго ее силы томятся внутри кровавой мессы. Месса протянул свои тонкие линии по всему лагерю. Магия внутри не такая уж и извращенная... Лизастрия ожидала увидеть куда более отвратительные ритуалы, сравнимые с теми, что исполняли Форийцы или трущобные еретики. Внутри барака нет ни еретических символов, ни молитвенных песнопений демонов, ни «черных текстов» — особенных молитвенников, которые были написаны избранными еретиками Владык во время великой Ереси. Ничего... пустота, даже несколько ветхих святых знамен до сих пор болтаются на вбитых в землю колышках, прямо у входа. Они источают слабый свет. И все это было... вполне естественно для лерий. "Sangius via" — путь алого эликсира, техника магии, основанная на крови, которым в том числе пользуется и Лизастрия. Это учение обладает в Империи большой популярностью на протяжении многих веков, пусть церковь и многократно вздыхала над трактатами по магии крови, стараясь запретить их. Но пытливые умы не остановить, а польза тех, кто идет путем "Sangius via", слишком велика, чтобы от них избавляться. Кровь — слишком сильный реагент, чтобы игнорировать ее, а жертва, из которой вырывается фонтан свежего эликсира, освещенного блеском горящих силой зрачков, возможно, является самым прекрасным зрелищем в этом мире... В душе растет неприятное чувство, может, Кат прав? Это старая стоянка Чтецов... которую заняли выжившие из исследовательской группы? Девушка приближается к шатру и резко хватается за край полога, одергивая его в сторону... Внутри лежат лишь обгорелые кости цельного скелета и один бессвязный набор, разбросанный по шатру. Череп, похожий на человеческий, с почтением украшен символами Их, Госпожи Смерти и даже ликом Исы. Он лежит прямо напротив входа, на деревянном столе, рядом с перемешанными, смятыми в гнев чертежами, записками и приказами. Над которым... словно издевательство, покачивается знамя Полка Истины. Совсем новый стяг, похожий на те, что прямо сейчас висят на стенах церкви Ланса Очистителя. Взгляд Лизастрии дергается и устремляется вбок. Мгновение — и ее ноги стремительно несутся к оставшемуся чтецу, но и там тоже лишь кости. Ритуально разложенные вокруг, древние, как сам лагерь, но кости. А на стуле, медленно плаваясь, лежит скованный по рукам и ногам цепями Симиэля труп, без хребтины, но в броне Чтеца.

Он издевательски глядит на Лизастрию расплавленными глазницами. Вновь возвращаясь на тропы, Лиз замирает в неприятии... вот она, сущность, что поджаривает что-то на костре... и вот ряд рабов, или нет? Углубившись в видение, уже не боясь привлечь к себе внимание существа, она замечает на рабах длинные балахоны со следами копоти и крови. Балахоны... с символами скитаров. Ученых, что, как правило, сопровождают легионы и ордена. А также ближайшие сподвижники Чтецов смерти в исследованиях. Ближайшие... И единственные.

— Думаю, ты должна прочесть это, Лиз.

В руки девушки опускается старый сверток с печаткой Чтецов. Делая глубокий вдох, Лизастрия неспешно моргает. Затем еще раз. И, в конце концов, разворачивает пергамент, вчитываясь в аккуратные буквы, выведенные тем же способом, каким она рисует в своем дневнике. Приказы... от Кендерика. Здесь действительно располагается форпост по изучению троп. Последним значится распоряжение по открытию порталов, которые работают на принесенных в жертву крестьянах из местных деревень. А на обратной стороне тлеет умело нарисованная метка Симиэля и гневная подпись: “Старик ответит за свои грехи... либо предо мной, либо перед Владыкой, которого он попытался обмануть. Прими мою кровь, Симиэль, ибо это мой первый и последний контракт с тобой”. Печать полка истины кажется практически издевательством, но сколько еще тайн сокрыто в останках бумаг и приказов? Сдерживая нарастающий гнев, девушка прячет документ в сумку, рассчитывая узнать от магистра правду, после чего благодарно кивает Кату.

— Значит... Кендерик все это время был еретиком.

— Грань ереси для него размыта... не думаю, что он причастен к великой смуте. Но магистр точно часть проблемы этих горящих лесов. Неясно одно: что здесь делают наши нынешние молитвы... и как погибли оставшиеся здесь чтецы. Тел трое... один принял ересь и скрылся. Он может быть жив, может, именно он и является высшим демоном. Либо же демон подчинил его.

— Это все разве не проклятая ересь? Не ужас, который мы должны уничтожить!?

— Я готова поклясться, что в первоначальном ритуале нет ереси. Эти два портала питаются кровью и болью, но это разрешенные техники внутри Империи, *Sangius via* так и не был запрещен... а остальное уже не рук дело Магистра, но ты прав в одном: здесь все поросло миазмами порока и извращения. Кровь давно поглотила аванпост, мы унесем все ценное и уничтожим остальное, разорвав связь. Но для начала узнаем, куда нам двигаться дальше и чего ждать. Нужно изучить материалы... оставшиеся здесь с момента основания и узнать, почему на тропах я вижу колышущуюся в небытие жизнь.

Глава 6

Внутри зап

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.